

Море Осколков

ДЖО АБЕРКРОМБИ

ПОЛМИРА

КНИГА ВТОРАЯ

Море Осколков

Джо Абберкромби
Полмира

«ЭКСМО»

2015

Аберкромби Д.

Полмира / Д. Аберкромби — «Эксмо», 2015 — (Море Осколков)

ISBN 978-5-699-81018-5

Гордость славного Гетланда – могучие воины, лучший среди которых – король Атиль. Стать частью непобедимой армии – мечта каждого мужчины. И если бедный мальчишка Бранд, сумевший попасть в ученики к наставнику Хуннану, всего лишь рвался к исполнению мечты, то что делала в казармах Колючка Бату, дочь славного полководца, понять было решительно невозможно. Невозможно, потому что она была богата. Невозможно, потому что девушке пристало вести хозяйство, а не размахивать мечом. Невозможно, потому что ей предстояли нечеловеческие испытания на пути к цели. И все же... Иногда Матерь Война касается своим дыханием девушки, и тогда полмира застывает в ожидании ее действий... Впервые на русском языке!

ISBN 978-5-699-81018-5

© Аберкромби Д., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Часть I	6
Достойные	6
Среди теней	10
Правосудие	15
Семья	21
На колени	24
Кольчуга мертвеца	31
Яд	35
Где найдешь, где потеряешь	41
Часть II	47
Урок первый	47
Урок второй	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Джо Аберкромби

Полмира

Посвящается Еве

*Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава.*

«Речи Высокого»

Joe Abercrombie
HALF THE WORLD
Copyright © Joe Abercrombie 2015

Иллюстрация на обложке *Анатолия Дубовика*

© Осипова М., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Часть I Изгой

Достойные

Он вдруг засомневался, замешкался – всего на мгновение, но ей хватило: Колючка немедленно врезала ему по яйцам краем щита.

Парни орали – никто не хотел ее победы. Но даже за общим гвалтом она расслышала, как Бранд застонал.

Отец наставлял Колючку: «Бей без продыху, а то сразу убьют». Так она и жила, к добру или к худу, – но чаще к худу. В общем, Колючка зло – и привычно – оскалилась и свирепо набросилась на Бранда.

Долбанулась плечом в плечо, щиты с грохотом столкнулись и заскрежетали, парень пятился, взрывая песок морского берега, и кривился от боли. Ударил в ответ, она увернулась и с низкого замаха долбанула своим деревянным мечом ему по икре – прям под край кольчуги.

Бранд, к чести своей, не упал, даже не крикнул – просто отскочил и скривился еще больше. Колючка расправила плечи: пора бы мастеру Хуннану засчитать ей выигрыш! Однако ж тот стоял и молчал, подобно статуе в Зале Богов.

Некоторые наставники считали, что учебный поединок мало отличается от настоящего и прерывать его надо только после смертельного удара – в смысле, смертельного, если б дрались заточенной сталью. Но Хуннану этого было мало: ему нравилось, когда учеников укладывали мордой в грязь. И лупцевали побольнее, чтоб жизнь медом не казалась. Колючка, надо сказать, ничего против не имела.

Поэтому она издевательски – и тоже привычно – улыбнулась и заорала: «А ну иди сюда, трус поганый!»

Бранду, конечно, силы не занимать – вон какой бычина. И решимости тоже. Но он уже хромал, да и выдохся, а еще ему приходилось идти в гору – Колючка быстренько заняла выгодную позицию. Она следила за каждым его движением: увернулась от одного удара, от другого, а потом ускользнула от неуклюжего выпада в голову. Дурачок даже и не заметил, что раскрылся сбоку. «Лучшие ножны для клинка – спина твоего врага», – учил отец. Бок – тоже ничего, если вдуматься. Ее деревянный меч глухо, словно бревно трескалось, ударил Бранду в ребра, тот беспомощно зашатался, а Колючка расплылась в ухмылке. Как же приятно вот так взять и наподдать кому-то!

Она уперлась ногой ему в задницу и несильным пинком отправила в прибой. Парень повалился на четвереньки, волна с шипением потянула за собой деревянный меч, а потом выкинула обратно на берег в мокрую грязь и водоросли.

Она подошла поближе. Бранд, кривясь от боли, быстро вскинул взгляд. Мокрые волосы залепили лицо, на зубах кровь – хорошо она ему двинула. Наверное, ей положено было жалеть поверженного врага. Но Колючка – не жалела. Никого. И уже очень давно. Жизнь такая, что не до жалости.

И она приставила ему к шее иззубренный деревянный меч и поинтересовалась:

– Что делать будем?

– Ладно, – он слабо отмахнулся. Еще бы, Бранд еле дышал, ему и говорить было трудно. – С меня хватит.

– Ха! – торжествующе выкрикнула она ему в лицо.

– Ха! – крикнула она враз поникшим парням на площадке.

– Ха! – крикнула она даже мастеру Хуннану и торжествующе вскинула меч и щит к плюющему дождем небу.

Ей вяло похлопали. Побурчали. Ну и все. А ведь она прекрасно помнила, как тут рукоплескали всякой фигне, а не победам. Впрочем, она, Колючка, здесь не за тем, чтоб всякие аплодисменты слушать.

Она здесь за тем, чтобы побеждать.

Иногда случается, что Мать Война коснется не мальчика, как обычно, а девочки. И тогда ее отправляют к мальчишкам и обучают искусству боя. Но с каждым годом число их уменьшается: девочки предпочитают обращаться к естественным для их пола занятиям. А тех, кто не желает это делать добровольно, заставляют. А тех, кого не заставишь, бьют смертным боем, и травят, и орут на них – пока не выполнят эту дурную траву с корнем и в отряде не останутся лишь славные мужи, природой предназначенные к воинскому делу.

Если ванстерцы переходили границу, или приплывали островитяне, или в дом забирались вор – о, женщины Гетланда быстро хватались за мечи и сражались не на жизнь, а на смерть. И неплохо сражались, надо сказать. Исстари так повелось. Но чтобы баба – и вдруг прошла испытания, принесла присягу и стала воином среди воинов в отряде? Отродясь такого не слыхали.

Нет, конечно, про это дело байки рассказывали. Песни пели. Но даже Старая Фен, прожившая на свете дольше всех жителей Торлбю – да что там Торлбю, люди говорили, дольше всех люди на свете! – никогда не видела такого за все несчетные годы своей жизни.

А вот теперь это взяло и случилось.

Сколько труда вложено. И травили ее, и лупили, но она всех их уделала. Колючка прикрыла глаза, Мать Море поцеловала ее во взмокший лоб холодными солеными губами. Как бы отец обрадовался, будь он жив. Как бы гордился дочкой...

– Я выдержала испытание... – прошептала она.

– Пока нет.

Колючка никогда не видела, чтобы мастер Хуннан улыбался. И чтобы хмурился так, как сейчас, тоже не видела.

– Я сам решу, какие испытания тебе назначить. И сам решу, прошла ты их или нет!

И он оглядел шеренгу ее сверстников – парней шестнадцати лет от роду. Некоторые стояли, надувшись от гордости – как же, они уже выдержали испытание!

– Раук. Шаг вперед. Будешь биться с Колючкой.

Брови парня поползли вверх. Он смерил девушку взглядом и пожал плечами:

– Ну и ладно...

И шагнул вперед, раздвинув плечами дружков. Подтянул щитовой ремень, подхватил учебный меч.

Этот дрался жестоко. И умело. Силой он, конечно, уступал Бранду. Зато и сомнений не знал. Ну и что. Колючка уже побеждала в схватке с ним и теперь...

– Раук, – повторил Хуннан и уткнул шишковатый палец в следующего: – И ты, Сордаф. И Эдвал.

Радость, предвкушение победы – все это мгновенно улетучилось. Вытекло из нее, как грязная вода из треснувшей лохани. Среди парней послышался ропот: все глядели, как на песок тренировочной площадки выбирался Сордаф – здоровенный медлительный тугодум, который, тем не менее, никогда не упускал шанса оттоптаться по поверженному противнику. Толстые пальцы застегивали ремешки кольчуги.

Эдвал – быстрый и узкоплечий парнишка с копной каштановых кудрей – мялся и не выходил. Колючка всегда считала его одним из лучших бойцов.

– Мастер Хуннан, но нас же трое...

– Хочешь в поход? – усмехнулся Хуннан. – Тогда шаг вперед. Это приказ.

Кто ж не хотел в поход? Все хотели. И Колючка тоже хотела. Очень, очень хотела. Эдвал обвел остальных хмурым взглядом, но никто не решился возразить мастеру. И парень скользнул между сверстниками и с явной неохотой подхватил деревянный меч.

– Это нечестно, – обычно Колючка держалась молодцом, даже в самых отчаянных переделках, но тут она заблелась, как овечка, которую гонят под нож.

Хуннан насмешливо фыркнул:

– Эта площадь, милая моя, – поле боя. А на поле боя – там, знаешь ли, не до честности. Запомни это на прощанье.

Некоторые захихикали. Наверное, те, кого она успела отметить в прошлом. Бранд смотрел на то, что происходило, из-под упавших на лицо волос, ладонь все еще зажимала окровавленный рот. Другие опустили глаза. Все знали, что это нечестно. И всем было плевать.

Колючка сжала зубы и обхватила пальцами щитовой руки мешочек, висевший на шее. Крепко так обхватила. Сколько себя помнила – она всегда была одна против всех. И всегда дралась против всех. Потому что Колючка – боец. Этого у нее никто не отнимет. И она им сейчас покажет, на что способна. Они надолго запомнят этот поединок...

Раук коротко кивнул остальным, и они принялись заходить с обеих сторон, окружая ее. Но это еще не самое страшное. Если бить быстро, можно вырубить кого-то одного, а дальше... дальше надо хвататься за эту соломинку. И выстоять против остальных, если повезет.

Она смотрела противникам в глаза, пытаясь предугадать следующее движение. Эдвал еле плелся, не поспевая за остальными. Ему все это не нравилось. Сордаф внимательно следил за ней, поднимая щит. Раук беспечно, напоказ, опустил меч острием вниз.

Как же охота стереть с его лица эту улыбочку. Чтоб кровью изо рта капало, ага. И больше ничего ей не надо...

Она издала боевой клич, и улыбочка Раука поблекла. Первый ее удар он принял на щит, попятился, второй тоже, щепки летели во все стороны, она посмотрела вверх, и он поддался на уловку и поднял щит повыше, а она ударила снизу – в последний миг, ничего он не успевал уже сделать, – и попала ему в бедро, хорошо так попала. Раук заорал от боли, скрючился, повернулся к ней затылком – ну же! Она уже занесла меч, как...

И тут краем глаза она заметила какое-то движение. А потом ей врезали так, что искры из глаз полетели. Она даже не почувствовала, как падает. Просто вдруг поняла, что песок набился куда только можно и трет, а она лежит и глупо таращится в небо.

Сама виновата: занялась одним, а двух других из виду упустила.

Над ней кружили и кричали чайки.

В ясном небе четко вырисовывались башни Торлбю.

«Упала – вставай, – учил отец. – Лежа на спине поединки не выигрывают».

Колючка с трудом, медленно перекатилась на живот, мешочек выскользнул из-под воротника и повис на шнурке, лицо зверски саднило.

Накатила волна, холодная вода обожгла колени. Сордаф наступил на что-то, послышался треск, словно бы ветка сломалась.

Она попыталась подняться на ноги, но Раук наподдал ей сапогом по ребрам, и она снова покатила по песку, кашляя.

Снова накатил и откатился волна, с верхней губы капала кровь, кап-кап-кап по мокрому песку.

– Может, хватит? – послышался голос Эдвала.

– Я что, приказывал остановиться? – ответил ему голос Хуннана, и Колючка сжала пальцы на рукояти меча.

Ну же! Подымайся и дерись!

Она увидела, как Раук сделал шаг – чтобы еще раз ударить. И поймала его ногу, прижала к груди, сильно дернула вверх. Он зарычал, а она его перекинула на спину. Беспомощно размахивая руками, парень грохнулся наземь.

И она, пошатываясь, двинулась на Эдвала, скорее падая, чем атакуя; перед глазами качались и кружились Матерь Море и Отче Твердь, и хмурое лицо Хуннана, и выжидающие глаза парней... Он поймал ее – скорее чтоб не дать упасть, а не чтоб завалить. Она вцепилась ему в плечо, запястье вывернулось, меч вырвался из ее руки, она рванулась вперед, нетвердо держась на ногах, не удержалась, грохнулась на колени, снова поднялась, щит хлопал о бок – ремень-то порвался... А потом она развернулась, отплевываясь и костеря все на чем свет стоит и... застыла на месте.

Сордаф тоже стоял, безвольно опустив меч, и смотрел.

Раук приподнялся на локтях – и тоже смотрел.

Бранд стоял в толпе парней с открытым ртом – и все они смотрели.

Эдвал открыл рот, но не сумел ничего сказать – только странно хлюпнул, как перднул. Учебный меч выпал у него из руки, и он поднес ее к ручейку, сбегавшему по его шее.

А из шеи у него торчала рукоять меча Колючки. Деревянный клинок сломался, когда Сордаф наступил на него, превратившись в длинную острую щепку. И эта щепка пропорола Эдвалу горло. Кончик ее блестел красным.

– Боги, да что же это... – кто-то прошептал.

Эдвал рухнул на колени, с губ на песок потекла кровавая пена.

Потом завалился на бок, но мастер Хуннан подхватил его. Вокруг тут же сгрудились остальные парни, Бранд тоже подскочил, и все принялись орать один громче другого. Колючка едва различала слова, так стучала в ушах кровь.

И она стояла, пошатываясь, и лицо саднило, волосы расплелись, и одна прядь все хлестала и хлестала ее по глазам, потому что ветер. Не может быть, это ей приснилось... Это кошмар, просто ночной кошмар. Боги, пусть это будет только сон... Она крепко зажмурилась. Не открывать глаза, не открывать, не открывать...

Как тогда, в Зале Богов. Когда они отвели ее в храм, к телу отца, а тот лежал, белый и холодный, под высоким куполом.

Но тогда все было по-настоящему. И сейчас – тоже.

А когда она открыла глаза, все парни стояли на коленях вокруг Эдвала, и она видела только его сапоги, бессильно развалившиеся носками врозь. А по песку текло темное, и Матерь Море посылала волну, и темное становилось красным, а потом розовым, а потом и вовсе смывалось и исчезало.

И в первый раз за долгое время Колючка испугалась. Сильно, по-настоящему испугалась.

Хуннан медленно встал, медленно развернулся. Он всегда хмурился, а уж на нее в особенности. Но сейчас его глаза блестели как-то по-особенному, так, как она никогда еще не видела.

– Колючка Бату.

И он уставил на нее окровавленный палец.

– Я объявляю тебя убийцей.

Среди теней

– Твори добро, – сказала Бранду мать, когда умирала. – Пребывай в свете.

Что это значило, шестилетний Бранд не понимал. Сейчас ему стукнуло шестнадцать, но это ничего не изменило – он по-прежнему не знал, что это значит – «творить добро». И вот теперь он стоит с головой, забитой странными неподходящими мыслями, а между прочим, это самый торжественный момент в его жизни.

Потому что это высокая честь – стоять на страже у Черного престола. В глазах богов и людей он теперь – воин Гетланда. Он же этого и добивался, правда? Кровь проливал, тяжело трудился. Бранд мечтал стоять среди братьев по оружию среди священных стен Зала Богов сколько себя помнил.

Но сейчас ему почему-то казалось, что он не пребывает в свете, как хотела мать.

– Не нравится мне эта затея с набегом на островитян.

Отец Ярви снова это сказал, и разговор зашел на очередной круг. Служители всегда так делают.

– Верховный король запретил обнажать мечи. И он очень рассердится.

– Верховный король запрещает все подряд, – заметила королева Лайтлин, поглаживая большой живот – она носила младенца. – И сердится – тоже постоянно.

Сидевший рядом с ней на Черном престоле король Атиль подался вперед:

– А между тем он подбивает островитян, и ванстерцев, и прочее отребье напасть на нас...

По рядам лучших людей Гетланда, собравшихся возле королевского престола, прокатился возмущенный ропот. Еще неделю назад Бранд роптал и возмущался бы громче всех.

Но сейчас у него из головы не шел Эдвал. И как у него из шеи торчал деревянный меч и кровавая слюна текла. И как он этот странный звук издал – то ли гоготнул, то ли хрюкнул. А потом затих. Навеки. И как стояла на мокром песке Колючка, и как волосы липли ей к заляпанному кровью лицу. Стояла и смотрела с раскрытым ртом на Хуннана, который объявил ее убийцей.

– Два корабля моих захватили! – крикнула женщина и погрозила кулаком, на груди у нее болтался усаженный драгоценными камнями ключ торговца. – И они ж не только груз покрали, они людей перебили!

– А ванстерцы-то снова границу перешли! – гулко загудело из той половины зала, где стояли мужчины. – Усадьбы пожгли, добрых гетландцев в рабство поугоняли!

– А еще там видели Гром-гиль-Горма! – выкрикнул кто-то ненавистное имя, и под сводом Божьего зала тут же зазвучали проклятия. – Сам Крушитель Мечей явился!

– Островитяне должны уплатить виру кровью! – прорычал старый одноглазый воин. – А за ними – ванстерцы! И Крушитель Мечей – тоже!

– Естественно, должны, кто же спорит! – и Ярви поднял усохшую, похожую на крабью клешню левую руку, пытаясь успокоить разошедшуюся толпу. – Вопрос – когда и как! Мудрый ждет подходящих обстоятельств, а сейчас – разве готовы мы воевать с Верховным королем?

– Ты либо готов к войне всегда, либо не готов к ней вовсе.

И Атиль мягким движением повернул оголовье меча, и обнаженный клинок вспыхнул во мраке.

А вот Эдвал был всегда готов. Плечо готов был подставить, в строю стоять и не отступать – как положено воину Гетланда. И что же – заслужил он такую смерть?

Колючке-то вообще на все было плевать, к тому же она ему чувствительно щитом по яйцам наподдала – до сих пор болело. С чего ему ее любить?.. Однако ж она сражалась до последнего, одна против троих. Как и положено воину Гетланда. И что же – заслужила она за это прозвание убийцы?

Он поежился и виновато покосился на статуи богов – шестеро Высоких нависали, подобно судьи над подсудимым, над Черным престолом. И над ним, Брандом, тоже. И он снова поежился, словно бы это он убил Эдвала и назвал Колючку убийцей. А ведь он просто стоял и смотрел.

Смотрел и ничего не делал.

– Верховный король может полмира поставить под копье, чтобы с нами воевать, – отец Ярви терпеливо, словно несмышленным детям, объяснял собранию положение вещей. – У него в вассалах ванстерцы и тровенцы, а теперь еще и инглинги и жители Нижних земель. Молятся этому его Единому Богу. А праматерь Вексен и на юге сыскала союзников. Мы окружены врагами, и надобно обзавестись друзьями, чтобы...

– За сталью – последнее слово.

Голос короля Атиля звенел железом, как острый клинок.

– Сталь – вот ответ на все вопросы. Пусть соберется войско Гетланда. Эти стервятники-островитяне получают хороший урок. Такой, что не скоро забудут.

Справа стояли хмурые суровые мужи, и они ударили кулаками в кольчужные груди – да! Сталь! Слева стояли благородные женщины с умашенными драгоценным маслом волосами, и они мрачно кивали и говорили – да! Сталь!

Отец Ярви опустил голову. Он здесь за тем, чтобы свидетельствовать волю Отче Мира, но даже у него не нашлось слов. Сегодня здесь царила Матерь Война.

– Значит, так тому и быть. Сталь.

Бранду бы сейчас радоваться: как же, воины пойдут в набег, как в старинных песнях, и он с ними! Но мысленно он пребывал на той песчаной площадке и расчесывал, как прыщ, старые сомнения: а что, если бы он повел себя по-другому? Что бы изменилось?

Если бы он тогда не засомневался. Бил бы без жалости, как положено воину, и тогда б он наверняка победил Колючку, и ничего бы этого не случилось. Или бы возразил вместе с Эдвалом, когда Хуннан выставил троих против одной – может, и не было бы этого последнего поединка... Но он не возразил. Выйти на поле боя против врага – для этого потребно мужество. Но на поле боя вокруг тебя друзья. А вот выйти одному против друзей – о, тут тоже нужно мужество. Но у Бранда его нет. И он это прекрасно знал.

– А теперь пора заняться делом Хильд Бату, – сказал отец Ярви, и Бранд вздрогнул, словно вор, пойманный с поличным.

– Кого? – переспросил король.

– Дочери Сторна Хедланда, – отозвалась королева Лайтлин. – Она называет себя Колючкой.

– И она не иголкой за пальцами укололась, – пояснил отец Ярви. – Она убила парнишку во время тренировочного поединка, и ее обвиняют в убийстве.

– И кто же ее обвиняет? – громко сказал Атиль.

– Я!

Золотая пряжка на плаще мастера Хуннана ярко вспыхнула, когда он шагнул в столп света перед королевским возвышением.

– Мастер Хуннан...

И король улыбнулся – редкое зрелище. Улыбнулся краешком рта.

– Припоминаю наши схватки на площадке для поединков, как же, как же...

– Я бережно храню эти воспоминания, мой король, хотя многие из них весьма болезненны...

– Еще бы! И что же, ты видел, как совершилось убийство, собственными глазами?

– Я испытывал старших учеников, дабы отобрать достойных воинов для похода. Среди них была и Колючка Бату.

– Позор на ее голову! Девчонка лезет в воины! – воскликнула какая-то женщина в зале.

– Да она всех нас позорит! – поддержала ее другая.

– Нечего бабе делать на поле боя! – сипло выкрикнули со стороны, где стояли мужчины, – и в ответ закивали с обеих сторон.

– Разве Матерь Война – не женщина? – И король обвел рукой нависавшие над собранием статуи Высоких богов. – Мы приводим к ней людей, и Матерь Воронов сама выбирает достойных.

– Так вот она не выбрала Колючку Бату, – отрезал Хуннан. – У этой девки мерзкий нрав. Чистая правда, кстати...

– И она не прошла назначенное мной испытание.

А вот это правда лишь наполовину!

– Я сказал ей, что она не прошла испытание, и Колючка взбунтовалась и убила Эдвала.

Бранд поморгал. А вот это как бы и не ложь, но и не правда же! Хуннан покачал головой, и седая борода помоталась туда-сюда:

– Так я потерял двоих учеников.

– Осторожнее нужно быть, – пожурил его отец Ярви.

Наставник воинов сжал кулаки, но королева Лайтлин заговорила первой – и ему пришлось смолчать.

– И каково же наказание за подобное убийство?

– Преступника должно раздавить камнями, моя королева.

Служитель говорил очень спокойно, словно бы речь шла о том, чтобы раздавить жука. А не человека – причем человека, которого Бранд знал всю свою жизнь. И столько же ненавидел, но все равно, нельзя же так!

– Кто скажет слово в защиту Колючки Бату? – громовым голосом возгласил король.

Эхо его голоса улеглось, и в Божьем зале повисла гробовая тишина. Вот, Бранд, пришло время сказать правду! Сотворить добро! Чтобы пребывать в свете! Бранд оглядел толпу, невысказанное щекотало губы... И тут он увидел, как стоит и улыбается Раук. Увидел Сордафа – с каменной толстой мордой. Они стояли и... молчали. Вообще ничего не говорили.

И тогда Бранд промолчал тоже.

– Тяжко обречать на смерть человека в столь юном возрасте.

И Атиль поднялся с Черного престола. Зазвенели кольчуги, зашелестели юбки – подданные короля опускались на колени. Только королева осталась стоять.

– Но мы не можем пренебречь исполнением долга только потому, что это причиняет нам боль.

Отец Ярви низко поклонился.

– Я распоряжусь о справедливой, положенной по закону каре за этот поступок.

Атиль протянул руку Лайтлин, и они пошли вниз по ступеням. Участь Колючки Бату решена – ей предстоит умереть под камнями...

Бранд стоял и смотрел, не веря своим глазам. Его даже замутило. Как же так? Он ведь думал, что кто-нибудь из парней обязательно расскажет, как было дело, – они же честные ребята! Или Хуннан честно доложит: так, мол, и так. Ведь он же уважаемый наставник! А король с королевой визнают всю правду, потому как они мудры и праведны! И боги! Они ж не дозвоят случиться вопиющей несправедливости! Кто-нибудь что-нибудь обязательно сделает!..

А может, все они стояли и ждали, что кто-то первым скажет и все сделает как надо. Так же, как он стоял и ждал.

Король шел с очень прямой спиной, обнаженный меч покоился у него на руках подобно младенцу. Атиль смотрел прямо перед собой холодными серыми ледяными глазами. Королева едва заметно кивала то одному, то другому человеку в толпе, а иногда и удостаивала кого-то словом – и тогда все понимали, что этот кто-то пользуется благоволением королевы и вскоре

придет к ней на монетный двор с важным и тайным делом. И они приближались к месту, где стоял Бранд, подходили все ближе и ближе...

Сердце бешено колотилось. Бранд открыл было рот, королева на мгновение обратила на него вмораживающий в пол взгляд, и юноша, горя от стыда, опустил глаза и смолчал. Король с королевой прошли мимо.

Сестра всегда говорила: чего ты лезешь, тебе больше всех надо? И без тебя найдется кому порядок навести. Только вот сейчас выходило, что никого не нашлось. Только он и остался.

– Отец Ярви! – выкрикнул он – громче, чем следовало.

Служитель обернулся, и он хрипло – и уже гораздо тише – выдохнул:

– Мне нужно с вами поговорить.

– О чем же, Бранд?

Тут он запнулся и сильно удивился. Надо же, Ярви знает его имя, кто бы мог подумать...

– О Колючке.

Последовало долгое молчание. Служитель был старше Бранда всего-то на пару лет, и вообще он какой-то весь бледный, и лицом, и волосами, словно бы его постирали и на солнце выбелили, и худой, как щепка, как его ветром не сдувает, и рука эта еще покалеченная... Но все равно, под его взором Бранд весь скукожился – таким пронзительным холодом на него дохнуло.

Отступать некуда, все.

– Она никакая не убийца, – пробормотал он.

– Король полагает, что она как раз убийца.

Боги, как горло-то пересохло... Но Бранд уперся и попер вперед – как положено воину.

– Короля там на площадке не было. Он ничего не видел. А я видел.

– И что же ты видел?

– У нас там поединки были, ну, чтобы в поход пойти...

– Никогда не говори мне того, что я уже знаю.

Да уж, нелегко такому человеку рассказывать... Но надо, ничего не поделаешь.

– Колючка сначала дралась со мной, и я... в общем, она победила. Место должно было достаться ей. Но мастер Хуннан взял и напустил на нее еще троих.

Ярви бросил взгляд на толпу, медленно вытекавшую из Зала Богов. И придвинулся чуть ближе:

– Что, прямо троих против нее одной?

– Эдвал был среди них. Она совсем не хотела его убивать...

– И как она? Против троих?

Бранд поморгал, не сразу сообразив, чего от него хотят.

– Ну... Короче, им досталось от нее больше, чем ей от них.

– О, в этом я несколько не сомневаюсь. Совсем недавно я навестил родителей Эдвала со словом утешения и пообещал им, что справедливость восторжествует. Ей шестнадцать зим, правильно?

– Колючке-то? – Бранд не очень понимал, какое это все имеет отношение к приговору. – Я... в общем, да. Наверное.

– И что же, она все это время успешно отбивалась в поединках от парней? – Тут он смерил Бранда взглядом. – В смысле, от мужчин?

– Ну, она не просто отбивалась, а мутузила всех подряд...

– Свирепая она, наверное. Полна решимости. И упряма. Очень упряма.

– Ага, как ослиха... – тьфу, такими словами Колючке не поможешь. И Бранд жалко проблеял: – В общем, она... не такая уж она и плохая, если приглядеться.

– Все мы хорошие, особенно для наших мам, – и отец Ярви испустил тяжелый вздох. – И чего ты от меня хочешь?

– Эээ... в смысле?

– Что мне теперь делать, Бранд? Освободить девку, от которой у всех одни неприятности, и восстановить против себя Хуннана и родителей мальчика? Или задавить ее камнями и тем умиротворить их души? Что посоветуешь?

Вообще-то Бранд и не думал какие-то советы давать...

– Ну... это... может, сделать, как по закону положено?

– По закону? – отфыркнулся отец Ярви. – Закон – он как Мать Море против Отче Тверди, непостоянен и вечно меняется. Закон – он как попугай при жонглере, Бранд. Повторяет то, что я скажу.

– Ну... я просто думал, что должен рассказать... ну, правду, короче!

– И какой прок в этой твоей правде? Подними опавший лист, там сразу тысяча правд сыщется, Бранд. Причем у каждого своя. Ты ведь просто хотел перевалить бремя правды на меня, верно ведь? Спасибо тебе, дружок. У меня тут Гетланд вот-вот ввяжется в войну со всеми странами моря Осколков, а так, конечно, больше мне заняться нечем. Только правдой твоей.

– Я... я просто думал... что творю добро. Совершаю благое деяние.

Однако теперь сама мысль о том, чтобы творить добро, не сияла перед ним, подобно Матери Солнце, ярким светом, а казалась скорее мерцающим, предательски блуждающим огоньком в черноте Зала Богов.

– Благое, говоришь? И чье же это благо? Мое? Эдвала? Твое? Как у каждого своя правда, так и добро, и благо у каждого свои.

Ярви придвинулся и заговорил еще тише:

– Мастер Хуннан, он ведь может догадаться, что ты донес свою правду до меня? И что тогда? Ты о последствиях подумал?

Бранда словно холодным снегом осыпало. И вправду, что же ему теперь делать?.. Он поднял взгляд: зал пустел, а Раук стоял среди теней, и глаза у него нехорошо блестели.

– Муж, отдающий себя благим делам, но о последствиях не заботящийся... – тут отец Ярви поднял иссохшую руку и уткнул единственный кривой палец Бранду в грудь, – ... опасен. Для всех.

И служитель развернулся и пошел прочь, пристукивая эльфийским жезлом об отполированные тысячами ног плиты пола. А Бранд остался стоять и таращиться среди сгущающихся теней. На сердце у него было очень беспокойно.

Да уж, сейчас он совсем не чувствовал, что пребывает в свете...

Правосудие

Колючка сидела и смотрела на свои грязные и бледные, как личинки, пальцы ног.

И зачем они у нее сапоги отобрали? Куда ей бежать, она ж прикована к этой мокрой стене – за левую щиколотку и правое запястье. Тут до решетки камеры не дотянуться, не то что из петель ее вырвать... Так что оставалось только сидеть и думать. Ну и струпья под сломанным носом расковыривать.

Сидеть и думать она просто ненавидела.

Колючка с трудом вдохнула и выдохнула. Боги, ну и вонь тут стоит... Воняла гнилая солома и крысиное дерьмо, воняло поганое ведро, которое никто не выносил, и ржавое железо. А после двух ночей в этой дыре воняла и она, причем воняла ужасно.

А ведь могла бы плавать в заливе, сражаясь с Матерью Море, или взбираться на высокие утесы, сражаясь с Отче Твердью, или бегать, или грести – или упражняться с отцовским мечом во дворе их дома, сражаясь с изрубленными столбами, представляя, что не щепки летят, а головы врагов Гетланда – Гром-гиль-Горма, Стира с Островов. Или даже самого Верховного короля.

Вот только сегодня ей меча не поднять. И вообще, похоже, больше никогда не поднять. А ведь это совсем нечестно! С другой стороны, ведь Хуннан не зря сказал: на поле боя не до честности...

– К тебе посетитель, – проворчала тюремщица, здоровенная бабища с дюжиной звякающих цепочек вокруг шеи и мрачной мордой. – Только давайте, по-быстрому тут!

И налегла на дверь, со скрипом распахивая ее.

– Хильд!

В этот раз Колючка не стала напоминать матери, что ее с шести лет зовут по-другому – она уколола отца его же кинжалом, и тот прозвал ее Колючкой. Все силы ушли на то, чтобы подняться на ноги и разогнуться. Ноги затекли и болели, и ей вдруг стало стыдно за свой вид – хотя смысл тут стыдиться...

Впрочем, ей-то было наплевать – а вот матери нет.

Колючка вышла на свет, и матушка в ужасе зажала рот бледной ладошкой:

– Боги, что они с тобой сделали!..

Колючка отмахнулась, цепь зазвенела:

– Это во время боя случилось.

Мать подошла к решетке. Глаза красные, видно, много плакала.

– Они говорят, ты парня убила.

– Я не... в общем, это не убийство!

– Но он же погиб, нет?

Колючка сглотнула, в сухом горле запершило:

– Эдвал. Погиб, да.

– Боги... – снова прошептала мать, и губы ее задрожали. – Боги, Хильд, ну что тебе стоило...

– Стать кем-нибудь другим? – закончила за нее Колючка.

Конечно. Стать кем-нибудь нормальным. Обычным. Стать послушной дочкой, которая не брала бы в руки ничего тяжелее иглы, носила бы южные шелка, а не кольчугу. Стать девушкой, у которой выйти замуж за богача и носить ключ на шее – предел мечтаний.

– А я знала, что так все и будет, – горько уронила мать. – С самого начала знала. С тех пор, как ты стала ходить туда на тренировки. С тех пор, как отца принесли мертвым. Я знала, что все так и будет.

У Колючки задержалась щека:

– Отлично. Ты была права. Утешайся этим.

– Утешаться? Чем?! Говорят, тебя камнями раздавят! Мое единственное дитя завалят камнями до смерти!

Разом стало очень, очень холодно. Даже дышать стало трудно. Как будто сверху уже принялись класть камни...

– Кто говорит?

– Да все говорят!

– А отец Ярви? – Служитель оглашал приговор. Служитель говорил от имени закона.

– Не знаю. Мне кажется, нет... Во всяком случае, пока.

Пока нет, значит. Угу, вот он, ее новый предел мечтаний. Колени ослабели, Колючка едва успела ухватиться за решетку. Обычно она не подавала виду, что боится. Храбро смотрела в глаза судьбе. Но Смерть – суровая госпожа, ей трудно смотреть в глаза.

– Пора... – и тюремщица легонько подтолкнула мать.

– Я буду молиться, – пролепетала та. По лицу ее текли слезы. – Я буду молиться Отче Миру за тебя!

Колючке очень хотелось сказать: «Да пошел он куда подальше, твой Отче Мир», но она вовремя сдержалась. Вообще-то она отвернулась от богов, когда отец все-таки погиб – несмотря на все ее горячие молитвы. Но сейчас Колючку могло спасти лишь чудо.

– Мне очень жаль, – пробормотала тюремщица, налегая плечом на дверь.

Та захлопнулась.

– А уж мне-то как жаль... – И Колючка прикрыла глаза, уперевшись лбом в решетку.

И крепко сжала мешочек под грязной рубашкой. В мешочке лежали кости. Отцовские. Кости его пальцев.

«Нам отпущено не так-то много времени, так что не надо тратить его впустую и жалеть себя». Она помнила каждое его слово, каждый совет. Но сейчас она все равно стояла и жалела себя. Потому что разве это справедливо? Разве это честно? С другой стороны, честно, нечестно – Эдвала все равно не вернешь. Ну да, в его смерти не она одна виновата. Но убила-то она. Ее рукав весь залит кровью Эдвала...

Так что... Она убила Эдвала. А теперь они убьют ее.

А за дверью говорили – слышно было плохо, слов не разобрать. Один голос – материн. Мать умоляла, лебезила, плакала. Ей отвечал мужской голос, холодный и спокойный. И что-то сурово выговаривал. Колючка вздрогнула, когда дверь открылась, и шарахнулась в темноту своей камеры.

Через порог шагнул отец Ярви.

Станный он был человек. Мужчина-служитель – нечто удивительное, примерно как женщина-воин. Отец Ярви был старше Колючки всего-то на пару лет, но взгляд выдавал человека пожилого. Так смотрят старики. И рассказывали про него истории одна другой страннее. Что он сидел на Черном престоле, а потом уступил его. Что он поклялся самой страшной клятвой мести. Что убил своего дядю Одема вот этим самым кривым мечом, что всегда носил при себе. А еще говорили, что он хитрее самого Отче Месяца и что доверять ему нельзя. И ссориться – тоже не стоит. А еще в его руках – точнее, в одной руке, другая висела скрюченная, и пальцев там не доставало – была ее жизнь.

– Колючка Бату, – сказал он, – тебя обвиняют в убийстве.

Она сумела лишь кивнуть в ответ. И тяжело, быстро задышала.

– Есть что сказать в ответ?

Наверное, нужно было ответить гордо и дерзко. Посмеяться в лицо Смерти. Говорили, что так умирал ее отец, когда лежал у ног Гром-гиль-Горма и истекал кровью. Но она очень хотела жить. Больше всего на свете.

– Я не хотела его убивать, – выдавила она. – Мастер Хуннан поставил их троих против меня одной. Это не убийство!

– Эдвалу от этого, знаешь ли, ни холодно ни жарко.

Точно. Она сморгнула слезы, ей стало нестерпимо стыдно – какая же она все-таки трусиха. Разве так можно? Но Колючка ничего не могла с этим поделать: ах если бы только она не пошла на эту проклятую тренировочную площадь, а была приличной девушкой, улыбалась и считала монеты в мужниной казне, как хотела мать. Но что толку в несбыточных мечтаньях...

– Пожалуйста, отец Ярви, дайте мне возможность исправить содеянное!

И она посмотрела в его спокойные, холодные, серо-голубые глаза.

– Я приму любую кару. Любое наказание! Клянусь!

Он насмешливо изогнул бледную бровь:

– Поосторожней с клятвами, Колючка... Каждая клятва подобна тяжелой цепи. Я поклялся отмстить убийцам отца, и теперь эта клятва лежит на мне тяжким бременем. Смотри, ты просишь о таком же тяжком бремени для себя.

– Но оно ж не тяжелее, чем камни, которыми меня хотят завалить? – И Колючка протянула к нему руки – насколько позволяли цепи. – Клянусь Солнцем и Луной. Я отслужу. Сделаю все, что прикажете.

Служитель мрачно оглядел тянущиеся к нему грязные ладони. Мрачно посмотрел ей в глаза, полные слез отчаяния. Медленно склонил голову на сторону, словно купец на торжище. А потом испустил долгий недовольный вздох.

– Ну... ладно.

Повисло молчание. Колючка пыталась понять, что ей только что сказали.

– Вы что же... не завалите меня камнями?

Он помахал у нее перед носом скрюченной рукой, единственный палец проехался туда-сюда перед глазами:

– Мне, знаешь ли, тяжести поднимать несподручно.

И снова умолк. Колючка испугалась подвоха и осторожно спросила:

– Ну так... а приговор? Какой приговор-то?

– Что-нибудь придумаем. Выпустите ее.

Тюремщица втянула воздух сквозь зубы, словно раненная – так ей не хотелось открывать замок. Но повиновалась приказу. Колючка потеряла ссадины от кандалов на запястье. Без их привычного веса она чувствовала себя слишком легкой. А может, это все сон? Зажмурилась – и тут же зарычала от боли: тюремщица запустила в нее сапогами, и те ударили ее аккурат по животу. Так что это не сон, нет.

Натягивая сапоги, она улыбалась. Просто улыбалась, и все.

– У тебя, похоже, нос сломан, – заметил отец Ярви.

– Не впервой.

Да уж, выбраться из такой переделки всего-то со сломанным носом – колоссальная удача!

– Дай посмотрю.

Служитель – прежде всего целитель. Поэтому Колючка не дрогнула, когда он подошел поближе и аккуратно пощупал кости подглазий. И задумчиво сморщил лоб.

– Уф, – пробормотала она.

– Извини, больно было?

– Немно...

И тут он сунул палец ей в ноздрю, а большим немилосердно прижал переносицу. Колючка охнула и упала на колени, в носу щелкнуло, в глазах все вспыхнуло и погасло от дикой боли, по лицу полились слезы.

– Больше не сломан, – сказал он и вытер пальцы об ее рубашку.

– Б-боги мои... – проскулила она, залепив ладонями сведенное болью лицо.

– Иногда следует причинить боль, дабы избежать более сильных страданий.

Отец Ярви уже выходил из камеры, и Колючка быстренько вскочила и осторожно пошла вслед. А вдруг он все-таки ее обманул?..

– Благодарю за гостеприимство, – пробормотала она, проходя мимо тюремщицы.

Женщина смерила ее злобным взглядом:

– Надеюсь, ты им больше не воспользуешься!

– Ага. Я тоже.

И Колючка пошла вслед за отцом Ярви по темному коридору, вверх по лестнице – и заморгала от ударившего в глаза яркого света.

Однорукий слугитель весьма бодро шагал через двор, Колючка еле за ним поспевала. Над головой шелестели на ветерке ветви старого кедра.

– Мне нужно мать предупредить... – выдохнула она, стараясь не отстать от отца Ярви.

– Я уже обо всем ее предупредил. Сказал, что в убийстве ты не виновна, но поклялась служить мне верой и правдой.

– Но... как вы узнали, что я...

– Слугитель на то и слугитель, чтобы предугадывать человеческие поступки. А тебя, Колючка Бату, пока можно читать как открытую книгу.

И они прошли под Воющими Вратами, вышли из крепости в город – и пошли, пошли вниз по склону величавой скалы к Матери Море. И они спускались по извилистым лестницам и тесным проходам, мимо тесно стоящих домов и тесно живущих в них людей.

– Значит, в поход я все-таки не пойду, да?

Вопрос дурацкий, ничего не скажешь. С другой стороны, Колючка вырвалась из-под тени Смерти на свет, так от чего бы не оплакать несбывшиеся мечты?

Однако отец Ярви явно был не расположен чего-то там оплакивать:

– Спасибо скажи, что на кладбище не попала!

Они как раз спускались по Кузнечной Улице. О, здесь Колючка торчала часами, жадно оглядывая оружие – прямо как нищенка, облизывающаяся на сласти. Здесь отец носил ее на плечах, и голову кружило от гордости – так кузнецы упрашивали батюшку взглянуть на их работу. А ныне вся эта сверкающая сталь, выставленная на продажу у кузнечных горнов, дразнила недоступностью.

– Мне теперь никогда не стать воином Гетланда?..

Сказала она это с горечью и очень тихо, однако отец Ярви отличался острым слухом.

– Пока ты жива, твоя судьба – в твоих руках. Запомни это.

И слугитель осторожно потрогал какие-то старые отметины на шее.

– Королева Лайтлин часто мне говорила: на все найдется свой способ.

При одном упоминании этого имени Колючка разом воспряла: конечно, Лайтлин не воин, но ею девушка искренне восхищалась.

– Да уж, нет мужа, который бы не прислушался к словам Золотой королевы...

– Именно, – и отец Ярви покосился на нее. – А если здравый смысл возобладает в тебе над упрямством, возможно, когда-нибудь ты станешь, как она.

Когда-нибудь, возможно, да, но явно не скоро. Они шли по улицам, и люди кланялись, вежливо приветствуя слугителя Гетланда, и уступали дорогу. А вот на нее поглядывали мрачно, неодобрительно качая головами. Колючка плелась следом за отцом Ярви, грязная и несчастная, и так они вышли из городских ворот к порту. Народу здесь толпилось немало, и они прокладывали себе дорогу среди моряков и купцов из всех земель вокруг моря Осколков и некоторых, лежавших еще дальше, и Колючка подныривала под мокрые рыбацкие сети, а вокруг билась и сверкала на солнце только что выловленная рыба.

– И куда нам теперь? – спросила она.

– В Скегенхаус.

Тут она застыла на месте с раскрытым ртом и чуть не попала под груженую телегу. Так далеко?! Да она в жизни дальше, чем на день пути, от Торлбю не уезжала!

– Хочешь, оставайся, – бросил отец Ярви через плечо. – Камни, как говорится, ждут.

Она сглотнула, потом бросилась догонять служителя:

– Я поеду, поеду!

– Ты столь же мудра, сколь и красива, Колючка Бату.

Двойной комплимент? Или двойное оскорбление? Скорее всего, второе. Их сапоги забухали по старым доскам причала, соленая вода билась в покрытые мхом сваи. А перед ними покачивался корабль, небольшой, но изящный. Нос и корму украшали крашенные белой краской голубки. Судя по висящим по обоим бортам щитам, корабль был готов к отплытию.

– Прямо сейчас отходим? – спросила она.

– Меня вызвал Верховный король.

– Верховный... король?..

И Колючка оглядела свою одежду – заскорузлую от тюремной грязи, с кровью, собственной и Эдвала, по рукавам.

– А можно я хотя бы переоденусь?

– Нам не до женских выкрутасов.

– Но от меня ж воняет!

– Бросим за борт, отмоешься.

– Правда, бросите?!

Служитель заломил бровь:

– А у тебя с чувством юмора, я гляжу, не ахти, да?

– Когда со Смертью лицом к лицу окажешься, как-то не до шуток... – пробормотала она.

– Чушь. Самое время шутить, когда Ей в глаза смотришь.

Это сказал пожилой широкоплечий дядька. Он как раз отвязывал носовой конец и забрасывал его на борт.

– Но ты не волнуйся. Матерь Море тебя снаружи и изнутри вымоет, и не один раз, пока до Скегенхауза доберемся.

А вот он воин – сразу видно, по тому, как стоит. И лицо у него, как у человека, который прошел через битвы и бури.

– Боги сочли, что левая рука мне без надобности.

И Ярви поднял сухую ладонь и покачал единственным пальцем.

– А взамен дали мне Ральфа.

И похлопал по широченному плечу старика.

– И хоть мы не всегда ладим, я доволен.

Ральф заломил кустистую бровь:

– Хошь, скажу, доволен ли я?

– Нет! – ласково ответил Ярви и перескочил на палубу. Колючке ничего не оставалось, кроме как пожать плечами и прыгнуть следом.

– Добро пожаловать на «Южный ветер».

Она огляделась, поморщилась и смачно плюнула за борт.

– Че-то я тут доброты мало ощущаю.

Еще бы. На скамьях за веслами сидели четыре десятка седых морских волков, и все они смотрели на нее и думали одно и то же: «Что здесь забыла эта девка?»

– Все тот же поганый расклад, – пробормотала она.

Отец Ярви покивал:

– Такова жизнь. Являясь на белый свет из чрева матери, мы совершаем ошибку, но шанса исправить ее, увы, не бывает.

– А можно вопрос задать?

– Сдается мне, что если я скажу нельзя, ты все равно задашь свой вопрос.

– Ну вы ж меня как открытую книгу читаете.

– Давай, спрашивай.

– Что я здесь делаю?

– Видишь ли, святые, мудрецы и хитроумнейшие из женщин столетиями задаются этим вопросом, но, увы, так и не могут сыскать на него ответ.

– Ты лучше Брюньольфа Молитвопряда на этот предмет поспрашивай, – прокряхтел Ральф, как раз отпихивавшийся от причала древком копия. – Он тебе тут же навешает на уши лапши с кучей «что», «зачем» и «почему».

– Есть ли на свете человек, – пробормотал отец Ярви, хмуро поглядывая на далекий горизонт, словно ответы были написаны в тучах, – способный измерить глубину божественного промысла? Ты б еще спросила, куда ушли эльфы!

И они со стариком с ухмылкой переглянулись. Похоже, такие разговоры были им не в новинку.

– Так. Понятно, – отозвалась Колючка. – Ну а если так спросить: зачем ты привел меня на этот корабль?

– Ааа! – воскликнул Ярви, разворачиваясь к Ральфу. – А ты как думаешь, дружище? Почему я не пошел по легкому пути и не сокрушил ее камнями, а страшно рискнул, приведя на борт нашего суденышка опаснейшую из убийц?

Ральф свирепо почесал в бороде, не отпуская копия:

– Ума не приложу, Ярви, зачем ты это сделал...

А Ярви широко распахнул глаза и сообщил Колючке:

– Помилуй, если я даже левой руке не доверяю собственных мыслей, то с чего мне делиться ими с тобой? От тебя же воняет!

Колючка ухватила за голову:

– Так, мне нужно присесть.

Ральф по-отечески похлопал ее по плечу:

– Очень хорошо тебя понимаю.

И пихнул ее на ближайшую скамью, да так сильно, что Колючка перелетела через нее и приземлилась на колени гребцу из следующего ряда.

– Вот твоё весло.

Семья

– Ты опоздал.

А ведь Рин права. Отче Месяц широко улыбался с ночного неба, а дети-звездочки весело мерцали на его мантии, так что, когда Бранд сунулся в низкую дверцу, лачугу освещали лишь уголья из очага.

– Прости, сестренка.

Пригибаясь, он добрался до своей лавки и плюхнулся на нее с долгим стоном. Стащил с ноющих ног сапоги и, наслаждаясь теплом очага, пошевелил пальцами.

– Да вот же ж у Харпера все торф не кончался, рубили и рубили, а потом Старой Фен надо было пару полешек перетащить. А она ж их не сама колет, и топор у нее тупой был, тупей некуда, ну я его и наточил, а на обратном пути у Лемовой телеги ось поломалась, так мы ее с парнями вытаскивали...

– Вот они все и ездят на тебе, свесив ножи...

– Помогай людям, и когда-нибудь они помогут тебе – вот что я думаю.

– Ну разве что...

И Рин кивнула в сторону горшка, стоявшего среди углей.

– Вон твой ужин. Одни боги знают, как трудно было сдержаться и не съесть твою часть...

Он хлопнул ее по колену, наклоняясь за горшком.

– Ты просто чудо, сестренка...

Бранд помирал с голоду, но не набросился на еду сразу, а пробормотал благодарственную молитву Отче Тверди за хлеб насущный. Он очень хорошо помнил, каково жить без хлеба.

– А вкусно! – сказал он, проглотив кусок.

– А свежее еще вкуснее было!

– Да и сейчас тоже вкусно!

– Нет. Невкусно.

Он только плечами пожал и выскреб остатки. Жалко, что так мало...

– Теперь по-другому заживем – я же прошел испытания! Из похода все богатые вернутся!

– Ага. Перед каждым походом в кузню куча народу заявляется, и все твердят, что вернутся богатыми. А некоторые, между прочим, не возвращаются.

Бранд весело улыбнулся:

– Ну, от меня так просто не избавишься!

– А я и не хочу. Дурак ты, конечно, но у меня ж кроме тебя никого нет.

И она вытащила что-то из-за спины и протянула ему. Какой-то сверток из потрепанной и заляпанной кожи.

– Это мне? – спросил он, принимая сверток над исходящими теплом, умирающими углями.

– Пусть сопровождает тебя в походах. И напоминает о доме. О семье. Какой уж ни есть...

– А мне никакой другой семьи и не надо!

А в свертке обнаружился кинжал. С блестящим, полированным стальным клинком. Боевой кинжал – длинный, прямой, с крестовиной в виде переплетенных змей. И с оскаленным драконом на навершии.

Рин выпрямилась: понравился подарок или нет? Волновалась.

– Когда-нибудь я скою тебе меч. Но пока... пока только это.

– Ты сама его выковала?

– Гейден помогла с рукоятью. А клинок – сама.

– Отличная работа, Рин.

Чем больше он рассматривал, тем больше ему нравилось: каждая чешуйка на змеиных спинах видна, и дракон скалит крошечные зубки, а сталь серебром блестит и острая-преострая... До лезвия аж дотронуться страшно. Прямо боязно грязными руками за такую красоту братья.

– Боги, это ж работа мастера, сестренка!..

Она с облегчением откинулась к стене с деланно безразличным видом.

– Я тут, похоже, новый способ плавки изобрела. Погорячее, чем прежний. Типа как в глиняном горшке. Кость и уголь, чтоб сплавить сталь с железом, песок и стекло, чтобы вывести примеси и очистить сплав. Но тут вся штука в жаре... да ты не слушаешь меня!

Бранд виновато улыбнулся и пожал плечами:

– Ты ж знаешь – я молотом помахать горазд, а этого вашего волшебства не разумею. Ты в десять раз лучший кузнец, чем я.

– Гейден говорит, что ко мне прикоснулась Та, что Бьет по Наковальне.

– О, Гейден, небось, от счастья все в себя не придет, что я ушел из кузни, а ты стала ее подмастерьем...

– У меня дар.

– Ага, скромности.

– Скромность – удел тех, кому нечем похвастаться.

Он взвесил кинжал в руке – прекрасная балансировка.

– Сестренка, ты воистину госпожа и хозяйка кузни. Лучше подарка я за всю жизнь не видал.

Не то чтоб его подарками заваливали, но все же.

– Эх, жаль, нечем мне отдариться...

Она улеглась на скамью и натянула вытертое до ниток одеяло на ноги:

– Ты и так мне отдал все, что у тебя было...

Он поморщился:

– Не так-то уж много вышло...

– А мне больше и не надо.

И она протянула над угольями свою сильную, мозолистую руку кузнеца, и он взял ее, и они пожали друг другу пальцы.

Бранд откашлялся, глядя в земляной пол:

– Ты как, справишься тут? Пока я, это... в походе буду...

– Я-то? Да я как пловец, которому без кольчуги плавать разрешили, – только вздохну с облегчением!

И она презрительно скривилась, да только Бранда не проведешь – он читал у нее в сердце. Ей всего-то пятнадцать, и он – вся родня, какая у нее есть, и она напугана. А из-за этого он тоже теперь боится. Боится идти в бой. Боится уезжать из родного дома. Боится оставлять ее одну.

– Я вернусь, Рин. Ты и заметить ничего не успеешь, как я дома буду.

– Ага, вернешься с грудой соковиц...

Он подмигнул:

– О моих подвигах будут петь песни, а еще я приведу дюжину лучших рабов...

– Ну и где они будут спать?

– В большом каменном доме, который я куплю! Рядом с крепостью!

– И у меня будет целая комната для одежды, – пробормотала она, оглаживая кончиками пальцев плетеную стену.

Да уж, хибарка у них так себе, но они и за такую богам признательны. Знали они времена, когда ночевать приходилось под открытым небом.

Бранд тоже улегся. И поджал колени – потому что иначе ноги с конца лавки свешивались. Вытянулся он. И тоже развернул свой вонючий обрывок одеяла.

И не выдержал:

– Рин. Я, похоже, сегодня что-то не то сделал.

Да уж, не умел он хранить секреты. В особенности от сестренки...

– Что на этот раз?

Он принялся ковыряться пальцем в дырке на несчастном одеяле:

– Я... правду сказал.

– Про что?

– Про кого. Про Колючку Бату.

Рин прикрыла ладонями лицо:

– Да что ж между вами происходит-то...

– В смысле? Да она мне даже не нравится, ты о чем?

– Она никому не нравится. Она как заноза в заднице. Но ты-то зачем к ней лезешь?

– Судьба нас сводит, а не я к ней лезу...

– А ты не пробовал просто развернуться и отойти от нее подальше? Она убила Эдвала.

Убила. Он умер, Бранд.

– Я знаю. Я там был и все видел. Но это не убийство. И что мне было делать, ты же у нас умная, скажи, а? Держать рот на замке, как все остальные? Промолчать, чтобы ее камнями раздавили? Нет, мне такой камень на душу не надобен!

И тут понял, что почти кричит, такой в нем бурлил гнев. И уже тише добавил:

– Я не мог поступить иначе.

Они долго смотрели друг на друга и мрачно молчали. Огонь в очаге прогорел, головешка рассыпалась, выпустив сноп искр.

– Почему тебе вечно больше всех надо? Что, больше некому было правду сказать?

– Похоже, что нет.

– Ты всегда был добрым и честным парнем.

Рин перевернулась на спину и уставилась в дыру на крыше, куда вытекал дым. Оттуда проглядывало звездное небо.

– А теперь ты стал добрым и честным мужчиной. Потому-то у тебя все и идет наперекосяк. Ты постоянно хочешь, как лучше, а получается... получается хуже некуда. Ты кому рассказал-то про это?

Он сглотнул. И не решился посмотреть ей в глаза, вместо этого уставившись в дымоход – словно там что интересное можно высмотреть.

– Отцу Ярви.

– Боги, Бранд! Ты полумер не признаешь, как я погляжу...

– А смысл? – пробормотал он. – Ну, все ж уладится, правда?

Он очень, очень хотел, чтобы она ответила: да, все будет хорошо.

Но она просто лежала и смотрела в потолок. Поэтому он снова взял в руки книжал и стал смотреть, как свет очага переливается на стали.

– Отличная работа, Рин, правда.

– Спи, Бранд.

На колени

– В любой непонятной ситуации становись на колени.

Как и положено кормчему, Ральф правил рулевым веслом, возвышаясь на корме.

– Прямо бухайся на колени и так и стой.

– На колени, – пробормотала Колючка. – Понятненько.

Она сидела у ближнего к корме весла – работы много, почета мало, неусыпный надзор Ральфа обеспечен. Она все ерзала на скамье, то и дело оглядываясь: очень уж хотелось увидеть Скегенхаус. Но в воздухе стоял влажный туман, и только призрачные видения сменялись в темноте. Размытые очертания знаменитых эльфийских стен. Блеклый контур огромной Башни служителей.

– В общем, лучше тебе вообще с колен там не вставать, – поучал Ральф. – И всех богов ради, держи рот на замке. А то ляпнешь что-то не то праматери Вексен, и с тобой такое учинят, что лучше бы камнями в Торлбю завалили.

Корабль приближался к берегу, Колючка пригляделась и увидела, что по причалу кто-то ходит. Пригляделась еще раз – люди ходят. Потом еще – воины. Почетная стража, хотя больше похоже на тюремный конвой. «Южный ветер» ударил бортом в мокрые от дождя доски, пришвартовались, и отец Ярви со своей командой оборванцев сошел на берег.

К своим шестнадцати Колючка вытянулась так, что смотрела сверху вниз на большинство мужчин, но человек, который шагнул им навстречу, был на голову выше ее – настоящий гигант! С длинных седоватых волос и бороды стекал дождь, в белом мехе на плечах тоже блестели капли.

– Какая встреча, отец Ярви!

Голос чужеземца оказался странно звонким – и совсем не подходил такой громадине.

– Сколько лет, сколько зим с нашего последнего разговора...

– Три года, – сказал Ярви и поклонился. – Три года минуло с того разговора в Зале Богов, мой король.

Колючка растерянно заморгала. Говорили, что Верховный король – высохший старикашка, полуслепой калека, который боится, что его собственный повар отравит. Но тут явно вкралась какая-то ошибка. На тренировочной площадке их учили правильно оценивать противника, понимать, насколько он силен. Так вот, сильнее этого высоченного дядьки она не видела. Воин, настоящий воин – весь в шрамах, на перевязи с золотыми пряжками висят в ряд клинки... Вот это, она понимала, король!

– А как же, помню, помню, – покивал тот. – Как же не припомнить – такой грубости я отродясь не видал. Странное у вас, гетландцев, гостеприимство, да, мать Скейр?

Стоявшая рядом наголо бритая женщина смерила Ярви и его спутников презрительным взглядом и поморщилась, словно дерьмо унюхала.

– А это кто? – спросил гигант, заметив Колючку.

На самом деле, она не умела себя толком вести в обществе. Драки затевать у нее выходило хорошо, а насчет всего остального Колючка блуждала в потемках: мама, конечно, бесконечно нудела насчет всех этих поклонов и вежливого обхождения, и как нужно приличной девушке себя вести, и все такое, но слушала она вполуха – ее только мечи и драки занимали. Но Ральф сказал – чуть что, вставать на колени. Так что она неуклюже бухнулась на мокрый булыжник, а поскольку одновременно попыталась соскрести мокрые волосы с глаз, то ее повело, и она чуть не перекинулась.

– Мой король. Государь, я...

Ярви фыркнул:

– Это Колючка Бату. Шутом у меня подрабатывает.

– Ну и как, хорошо шутит?

– Не особо, если честно.

Гигант ухмыльнулся:

– Я всего лишь король, дитя мое. Один из многих. Королек, понимаешь ли, Ванстерланда, и зовут меня Гром-гиль-Горм.

Внутренности мгновенно завязались в тугой узел. Сколько лет она мечтала повстречать человека, который убил ее отца. И вот ее мечта сбылась – но как?! Она по собственной воле преклонила колени перед Крушителем Мечей, Творителем Сирот, злейшим врагом Гетланда, который раз за разом посылал своих убийц в набеги. Теперь-то она разглядела цепь у него на шее: длинную, можно четыре раза обмотаться. На ней висели навершия мечей тех, кого Гром-гиль-Горм убил в поединке. Среди прочих трофеев на цепи болталось навершие от того меча, что она хранила дома как зеницу ока.

Колючка медленно поднялась на ноги, пытаясь сохранить остатки достоинства. Был бы меч у пояса, Колючка б положила ладонь на рукоять. Но меча не было. Поэтому она вздернула подбородок и посмотрела врагу в глаза. Посмотрела, словно мечом ткнула.

Король Ванстерланда нависал над ней, как огромный волкодав над взъерошенным котенком:

– Я привык, что гетландцы меня презирают, но у этой девчонки в глазах очень холодная ненависть.

– Словно бы у нее к тебе есть дело мести, – усмехнулась Мать Скейр.

Колючка вцепилась в висевший на шее мешочек:

– Ты убил моего отца.

– Ах вот оно что, – пожал плечами Горм. – Ну да, я осиротил кучу детишек. Как его звали?

– Сторн Хедланд.

Она ожидала чего угодно – насмешки, угрозы, ярости, а вместо этого грубые черты Горма озарились улыбкой:

– О, да это был поединок, достойный песни! Я каждый шаг, каждый удар помню! Хедланд был великий воин, достойный враг! Холодными утрами вроде этого у меня до сих пор болит раненая нога – его подарок! Но Матерь Война приняла мою сторону. Ее дыхание коснулось меня еще в колыбели. Предсказано, что смертному мужу меня не убить, и так оно и обернулось.

И он одарил Колючку широкой улыбкой, а рука его перебирала навершия мечей, играючи пропуская звенья цепи между большим и указательным пальцем.

– Смотри, мать Скейр, как вымахала дочка Сторна Хедланда! А годы-то идут, а?

– Еще как идут, – прищурилась служительница.

Голубые глаза ее смотрели очень холодно.

– Довольно рассказов о славном прошлом, – и Горм подчеркнуто вежливо повел рукой – мол, проходите первыми. – Верховный король ждет нас, отец Ярви.

И Гром-гиль-Горм повел их через киснувший под дождем порт, а Колючка плелась следом – замерзшая, мокрая до нитки, злая и беспомощная. Да уж, в таком расположении духа не до красот величайшего города моря Осколков. Если б ненавидящим взглядом можно было колоть, Крушитель Мечей уже б давно улетел бы, весь истыканный, в Последнюю дверь. Но взгляд не меч, им не убьешь, а ненависть опаляла не врага, а только саму Колючку.

Команда «Южного ветра» вошла в огромные ворота, потом миновала еще одни и вступила в длинный зал, где все стены увешаны были оружием – от полированного пола до головок кружительно высокого потолка. Они шли и смотрели на древние, изъеденные ржавчиной мечи. На копья с истлевшими и разбитыми древками. Расколотые в щепы щиты. Некогда это оружие носили люди, по трупам которых Бейл Строитель, первый из Верховных королей, взобрался на свой трон. Оно принадлежало солдатам армий, погибших в сражениях с его потомками – когда

те огнем и мечом распространяли власть короны от Ютмарка до Нижних земель, до Инглфолда и далее вдоль берегов моря Осколков. Сотни и сотни лет побед – вот о чем говорили все эти мечи и топоры и расколотые шлемы, хоть у них не было голоса. Но все прекрасно понимали о чем речь, и речь эта слышалась яснее, чем шепот служителя у трона, и громче, чем оглушающий ор Мастера клинков.

Слушайся Верховного короля, а то худо будет.

– Не скрою – я удивлен, – сказал вдруг отец Ярви. – Не ожидал, что Крушитель Мечей ходит в привратниках у Верховного короля.

Горм мрачно покосился на него:

– Нам всем приходится преклонять колено перед сильнейшим.

– Я смотрю, кто-то делает это с большей охотой, чем другие.

Горм нахмурился еще сильнее, но не успел ответить – служительница заговорила первой:

– Праматерь Вексен умеет убеждать.

– И как, убедила она вас принять веру в Единого Бога? – поинтересовался Ярви.

Скейр трубно фыркнула, как кабаниха хрюкнула.

– Матерь Война крепко держит меня в своих объятьях, на руках ее кровь, и никому меня не оторвать от нее! – прорычал Горм. – Вот тебе мое слово!

Ярви беспечно улыбнулся – словно за столом с друзьями беседовал:

– Мой дядюшка говорит ровно то же самое. Сколь многое, оказывается, объединяет Гетланд и Ванстерланд! Мы молимся тем же богам, говорим на одном языке, даже деремся одинаково! Между нами лишь узкая река.

– Ага, кровавая такая. И сотни трупов убитых отцов и детей, – пробормотала Колючка.

– Тихо ты, – прошипел Ральф.

– Между нами много крови, – продолжил Ярви, – но разве не долг правителя повернуться спиной к прошлому и обратить взор в будущее? Чем больше я думаю над этим, тем больше мне кажется, что наша вражда ослабляет нас и придает сил... кое-кому другому.

– И ты предлагаешь после всего, что между нами было, просто подать друг другу руки? – И Колючка увидела, как уголок рта Горма скривился в улыбке. – И, пританцовывая над трупами предков, под ручку войти в твой новый дивный мир?

Улыбаются они тут, значит. И танцуют, под ручку. А вот сейчас она как сорвет со стены меч да как проломит Горму черепушку! Интересно, Ральф успеет ее остановить? Вот это был бы подвиг, достойный воина Гетланда!

Но штука в том, что Колючка – не воин Гетланда. И никогда им не будет.

– Ты, отец Ярви, мечтатель, – вздохнул Горм. – Я помню, как ты излагал мне нечто подобное в прошлом. Но это все мечты, а сейчас – время вернуться в явь. А она принадлежит Верховному королю.

– И его служительнице, – заметила Мать Скейр.

– В основном ей, это точно.

И Крушитель Мечей отворил огромные двери во всю ширину. И они переступили порог и оказались в другом зале.

Колючка помнила, как она стояла под сводами Зала Богов над телом отца. Он лежал, бледный и холодный, а Колючка пыталась сжать мамину руку так, чтобы та наконец перестала всхлипывать. Тот зал казался громадным, словно и не руки смертных возвели его. А вот Палату Шепота точно возвели не руки смертных. Ее построили эльфы в незапамятные времена. И в ней спокойно поместились бы пять Божьих Залов, и на полу места бы еще осталось, чтобы ячмень посеять. Стены из эльфийского камня и черного эльфийского стекла уходили ввысь, теряясь в темноте над головой.

На вошедших мрачно глядели шесть громадных статуй Высоких богов. Однако Верховный король отвернулся от них и не почитал их более, и его каменщики трудились, не покладая

рук. Теперь над всеми возвышался седьмой бог – Бог южан, Единый Бог. Не мужчина и не женщина, он не плакал и не смеялся – лишь с мягкой, безразличной улыбкой он раскрывал хваткие, удушающие объятия. И плевать ему на копошащихся у его ног людишек...

Люди толпились у дальней стены и под балконом из серого эльфийского металла, зависшего на высоте в десять человеческих ростов. Над тем балконом виднелся еще один, с него в зал вглядывались крошечные лица.

Колючка разглядела ванстерцев с заплетенными в длинные косы волосами, тровенцев, чьи руки снизу доверху унизывали серебряные браслеты, ходившие вместо денег в их землях. Она увидела островитян с выдубленными непогодой лицами, широкоплечих жителей Нижних земель и инглингов со всклокоченными бородами. Шендские стройные женщины стояли здесь рядом с пухлыми купцами из Сагенмарка. А вот и смуглолицие послы Каталії. Или Южной Империи. Или еще каких-нибудь невозможно далеких земель.

И все эти люди собрались со всего мира с одной-единственной целью – лизнуть Верховному королю милостиво подставленную задницу.

– Величайший из мужей! – воскликнул отец Ярви. – Стоящий между богами и владыками земными! Земно кланяюсь тебе!

И он действительно уткнулся лицом в пол, а эхо его голоса запрыгало по верхним галереям и рассыпалось на тысячи шепотков, давших залу свое имя.

Слухи, как оказалось, вовсе не отдавали должного величайшему из мужей. Он оказался еще дряхлее, чем рассказывали: трон был ему явно великоват – король смотрелся на нем сущим огрызком с обвислым костлявым лицом и реденькой седой бородашкой. Только глаза оставались живыми и яркими, и взгляд их, обращенный на служителя Гетланда, не обещал ничего хорошего.

– На колени, дурища! – зашипел с пола Ральф и дернул Колючку за пояс – давай, мол, чего стоишь столбом!

И вовремя – потому что к ним через пустой зал направлялась... старушка.

Вся такая круглолицая, ни дать ни взять веселая смешливая бабушка с морщинками вокруг блестящих глаз, седенькая и коротко стриженная. Подол грубого серого платья волочился по полу и оттого истрепался. На шее поблескивала тоненькая цепочка, на ней шелестели полоски бумаги, испещренные рунами.

– До нас дошли вести, что королева Лайтлин носит под сердцем ребенка.

Вид у бабули был совсем не геройский, а вот голос – о, таким голосом могли говорить в легендах. Глубокий, мягкий – и очень звучный. Хотя старушка вовсе его не повышала. Голос, к которому хотелось прислушаться. Голос, которому хотелось повиноваться.

Отец Ярви уже стоял на коленях, однако при виде старушки умудрился склониться еще ниже.

– Боги благословили ее чрево, праматерь Вексен.

– Ждете наследника, который сядет на Черный престол вслед за королем?

– Надеемся, что так и случится.

– Передайте мои искренние поздравления королю Атилю, – прокрипел Верховный король.

Впрочем, судя по голосу и гримасе на иссохшем лице, ничего искреннего в поздравлениях не было.

– Я с удовольствием передам их королю, уверен, он безмерно им обрадуется. Могу я встать?

Первая из служителей тепло улыбнулась и подняла ладошку. Колючка заметила, что та покрыта тонкими линиями татуировок – круги в кругах из крохотных буковок.

– Нет. Постой еще чуток на коленях, – проворковала она.

– С севера до нас дошли тревожные известия, – прокаркал Верховный король, ощерился и провел языком по беззубым деснам. – Нам говорят, что король Атиль желает пойти в поход против островитян.

– Поход, мой государь? – Ярви казался искренне изумленным – словно бы впервые услышал то, о чем знала в Торлбю каждая собака. – В поход против наших любезных братьев с Островов моря Осколков?

И он решительно отмахнулся скрюченной однопалой рукой:

– Заверяю вас: король Атиль, конечно, прирожденный воин и любит поговорить о том, как хорошо бы пойти в поход туда или сюда... Но, поверьте, все эти пустые разговоры ни к чему не приводят – ибо я стою у престола и направляю его путями Отче Мира, как учила меня мать Гундринг.

Праматерь Вексен рассмеялась – громко и весело. От такого смеха теплело в груди. По залу снова покатилося эхо – теперь казалось, что в нем хихикает целая армия призраков.

– Ох, Ярви, любишь ты меня повеселить...

Она ударила быстро, как нападающая гадюка. Наотмашь и с недюжинной силой, Ярви аж на бок завалился. Звук удара эхом отразился от балконов – словно хлыстом щелкнули.

Оказалось, она вскочила на ноги – во всяком случае, попыталась. Ее поймал за мокрую рубаху Ральф и с силой дернул вниз. Проклятие захлебнулось, из горла вырвался противный писк.

– Не смей, – страшным шепотом приказал кормчий.

Колючка разом почувствовала себя очень неудобно и одиноко посреди этого огромного пустого зала. А ведь вокруг полно вооруженных людей, вдруг поняла она. Во рту разом пересохло. И очень захотелось до ветру. Прямо очень сильно.

Праматерь Вексен стояла и смотрела на нее. Ни страха, ни гнева не было в ее взгляде. Только слабое любопытство – так смотрят на муравья, вид которого никак не получается опознать.

– Кто эта... мгм. Кто это с тобой?

– Недалекая дурочка. Вот, служит мне.

Ярви снова принял коленопреклоненное положение. Здоровая ладонь прикрывала окровавленный рот.

– Простите ее за дерзость. Она и так страдает от собственной глупости и избытка верности...

Праматерь Вексен улыбнулась тепло-тепло, прямо как Матерь Солнце, однако голос ее вмораживал в пол. Колючка чувствовала, что продрогла до костей.

– Помни, дитя, что верность может обернуться великой милостью. А может – страшным проклятием. Все зависит от того, кому ты хранишь верность. Во всем должен быть порядок. И порядок этот – нерушим. А вы, гетландцы, забыли свое место. Верховный король запретил обнажать мечи.

– Я запретил, да... – эхом отозвался Верховный король, сипло и тихо, так что голос его едва слышался под темной громадой свода.

– Пойдя войной на островитян, пойдете войной на Верховного короля и первую из служителей, – отчеканила праматерь Вексен. – Война с островитянами – это война с инглингами и жителями Нижней страны, с тровенцами и ванстерцами. Да, это война с Гром-гиль-Гормом, Крушителем Мечей, которому не суждено погибнуть от руки мужа.

И она указала на убийцу отца Колючки. Тот маялся у дверей, неловко преклонив одно колено.

– Более того, это война с Императрицей Юга, которая совсем недавно заключила с нами союз.

И праматерь Вексен широким жестом обвела огромный зал и всех, кто в нем находился, и перед лицом их отец Ярви со своей командой голодранцев воистину были подобны слабому стаду.

– Пойдете ли вы войной на полмира, гетландцы?

Отец Ярви заулыбался как деревенский дурачок:

– Мы верные слуги Верховного короля, заключенные им союзы вселяют в нас радость и доверие!

– Вот и скажи своему дяде: хватит бряцать оружием. А если он обнажит меч без благословения Верховного короля...

– ...сталь будет моим ответом, – проскрипел Верховный король, злобно выпучив слезящиеся глаза.

Голос праматери Вексен зазвенел железом – да так, что каждый волосок на шее Колючки встал дыбом:

– Помни: со времен Божьего Разрушения мир не видел расплаты, подобной той, что обрушится на вас!

Ярви нырнул в такой низкий поклон, что его нос почти коснулся пола:

– О величайшая, о милостивая! Кто же решится навлечь на себя твой гнев? Могу ли я подняться?

– Еще одно маленькое дельце, – тихо и внятно сказал кто-то за их спинами.

И между ними быстро просеменила молоденькая женщина. Худая, светловолосая, неестественно улыбающаяся.

– Думаю, вы знакомы с сестрой Исриун? – усмехнулась праматерь Вексен.

Отец Ярви, похоже, потерял дар речи. Таким его Колючка еще не видела.

– Ты... ты что же, приняла обеты служительницы?..

– Куда же еще податься лишенному наследства и чести? Вспомни себя, о брат...

Исриун вытащила платок и промокнула кровь в уголке рта Ярви. Нежненько так. Вот только глаза ее смотрели совсем не нежно. А так, что кровь в жилах стыла.

– Теперь мы снова одна семья, как когда-то.

– Она прошла испытания три месяца назад. Ни одного неправильного ответа, – проговорила праматерь Вексен. – Более того, она весьма сведуща в делах, касающихся эльфийских реликвий.

Ярви сглотнул:

– Ничего себе!

– Наш священный долг – охранять их, – сообщила Исриун. – Дабы не допустить нового Разрушения.

Она нервно сплетала и расплетала тоненькие пальцы.

– Слышал ли ты о воровке и убийце по имени Скифр?

Ярви растерянно поморгал:

– Не припоминаю такого, хотя...

– Община разыскивает эту женщину.

Исриун хищно улыбнулась и зло прищурилась.

– Она осмелилась войти в эльфийские развалины Строкома. И вынесла оттуда... разные предметы.

По залу пронесся вздох ужаса, эхо его тысячью шепотков разошлось по балконам. Люди совершали знамения, отвращающие зло, бормотали молитвы и мрачно покачивали головами.

– Что за времена настали? – горестно прошептал отец Ярви. – Честное благородное слово: если я хоть краем уха услышу об этой Скифр, немедленно вышлю голубя!

– Как мило с твоей стороны, – улыбнулась в ответ Исриун. – Знай: всякий, кто заключит с ней сделку, повинен смерти на костре.

И она стиснула пальцы с такой силой, что костяшки рук побелели.

– А ты же знаешь: мне совсем, совсем не хочется сжигать тебя на костре.

– Вот видишь, сколь многое нас объединяет, – истово покивал Ярви. – Могу ли я удалиться, о величайший из людей?

Верховный король дернул головой – то ли кивнул, то ли встрепенулся во сне.

– Я возьму на себя смелость истолковать это как знак согласия.

Он поднялся, а следом за ним Ральф и вся команда. Последней поднялась на ноги Колючка. Как-то так всегда получалось, что когда надо было бухнуться на колени, она стояла столбом, а когда приходило время подняться, простаивала, считая ворон, на коленках.

– Никогда не поздно разжать кулак и протянуть раскрытую ладонь, отец Ярви.

И праматерь Вексен печально покачала головой.

– Некогда я возлагала на тебя большие надежды.

– Увы, но, как может подтвердить сестра Исриун, я часто разочаровываю людей.

Если в голосе Ярви и звякнула сталь, то совсем тихонечко.

– Но я не сижу сложа руки и работаю над собой. Каждый день.

Снаружи лил дождь. Скегенхаус по-прежнему заволакивала серая пелена.

– Кто эта женщина? Ну, Исриун? – поинтересовалась Колючка, быстро, чтобы не остаться, шагая следом за Ярви.

– Она моя кузина. Была кузиной, в смысле.

Под кожей худой щеки заходили желваки.

– Потом нас помолвили. А потом она поклялась, что убьет меня во что бы то ни стало.

Брови Колючки поползли вверх:

– Вот это, я понимаю, любовь до гроба...

– Не всем же нам быть такими умными и воспитанными, как ты.

И он мрачно покосился на нее.

– И еще одно. В следующий раз думай, прежде чем вскакивать. И бросаться мне на помощь.

– Остановишься – погибнешь, – пробормотала она.

– Вот ты не остановилась, и чуть не погубила – всех нас.

Колючка знала, что он прав, и все равно это бесило.

– А вот если б ты не молчал в тряпочку, а сказал, что это островитяне первыми напали, и ванстерцы тоже, и у нас просто не было другого...

– Они прекрасно это знают. Это праматерь Вексен натравила их на нас.

– Откуда ты...

– Иногда молчание – красноречивее самых громких слов. Она о многом умолчала. Она желает сокрушить нас, и я не в силах противостоять этому.

Колючка с силой потерла виски. Беда с этими служителями, вечно они говорят обиняками...

– Если она наш враг, то почему не приказала убить, пока мы там на коленках стояли?

– Потому что праматерь Вексен не желает своим чадам смерти. Она лишь хочет, чтобы ей беспрекословно повиновались. Сначала она посылает против нас островитян. Потом ванстерцев. Так она надеется, что мы совершим нечто безрассудное – и король Атиль явно готов пойти ей навстречу. Конечно, сбор войск займет некоторое время – ибо праматери нужно призвать под свои знамена очень много людей. А когда время настанет, она полмира поставит под копье и отправит сражаться с нами. Если мы хотим выстоять в бою, нужно искать союзников.

– И где же нам их найти?

Отец Ярви улыбнулся:

– Среди наших врагов, где же еще?

Кольчуга мертвеца

Ребята собрались.

Нет, не ребята. Мужчины. Бранд как-то вдруг резко это понял. Да, у них едва борода пробивается, но кто же они, как не мужчины? Испытание прошли, сейчас присяга будет!

Они собрались под рукой мастера Хуннана – в последний раз. Наставник учил их, спрашивал за выученное, ковал их подобно железу на наковальне в кузнице Гейден. А сейчас они стояли на морском берегу, куда столько раз ходили тренироваться. Только теперь у них в руках были не деревянные, а настоящие мечи.

Они собрались и стояли в новых доспехах, и глаза у всех блестели, а дыхание спирало при одной мысли: как же! Поход! Королевский поход! Время повернуться спиной к Отче Миру и отдаться каждой мышцей и сухожилием его супруге, Матери Войне с окровавленным ртом. Время сражаться ради славы и чести сидеть за королевским столом, ради того, чтоб о тебе сложили песни сказители!

Ну и ради того, чтобы вернуться домой с добычей.

Некоторые, впрочем, уже сейчас гляделись натуральными героями: отличная кольчуга, хороший меч, все новенькое и блестит. Это те, кому повезло с богатенькими родителями. А вот у Бранда была только Рин – и хотя с сестрой ему незаслуженно повезло, кольчугу пришлось позаимствовать у Гейден, за десятую часть того, что ему достанется в походе. Кольчуга досталась так себе: снятая с покойника, потемневшая от старости, наскоро переплетенная по размеру. Кстати, под мышками она все равно болталась. А вот топор у него был отличный – начищенный, острый, как бритва. И щит тоже хороший – год на него копил, как-никак. Рин на нем нарисовала голову дракона, так получилось не хуже, чем у всех.

– А чо сразу дракон? – насмешливо заломив бровь, поинтересовался Раук.

Бранд отфыркнулся:

– А чо бы и не дракон?

Будет он еще обращать внимание на глупые подначки в такой день.

Это ж день, когда он отправляется в свой первый поход!

И не какой-нибудь обычный поход, нет! Таких и старики не упомнят! Столько людей не вел даже король Атрик в Сагенмарк! Бранд поднялся на цыпочки: ух ты, сколько народу, стоят плотно по всему берегу, железо на солнце блестит и дым от костров к небу подымается... Пять тысяч воинов, сказал Хуннан, и Бранд вытаращился на свои пальцы: это ж сколько их надо загигать, чтобы каждую тыщу насчитать? У него аж голова, как на верхотуре, закружилась.

Пять тысяч! Боги, как же велик этот мир, что в нем такая прорва народу помещается!

Здесь собрались воины, которых снарядили в бой купцы и торговцы, – и державшиеся тесными группками оборванные горцы, только сегодня спустившиеся к морю. Здесь стояли полные достоинства мужи, и рукояти их мечей сверкали серебром, и здесь же стояли грязные бедняки, вооруженные лишь копьями с кремневыми наконечниками. Здесь собрались мужчины с боевыми шрамами и люди, которые ни разу в жизни не проливали крови.

Такое не часто увидишь, и на склонах холма под городскими стенами собралось полгорода. Матери и отцы, жены и дети – все они пришли помахать вслед сыновьям и мужам, помолиться об их счастливом возвращении – и о том, чтобы вернулись они не с пустыми руками. Здесь стояла и вся Брандова семья, можно не сомневаться. То есть Рин. Одна Рин. Он сжал кулаки и вскинул лицо, по щеке тут же хлестнул ветер.

Она еще будет им гордиться. Он поклялся не ударить в грязь лицом.

Настроение у всех было не как перед началом войны, а как на свадьбе: в воздухе плавал дым, все смеялись, шутили, пели, спорили. В толпе сновали молитвопряды, за денежку предлагая составить благословение, торговцы, вешающие всем на уши лапшу, что, мол, настоящий

воин всегда берет в поход запасной пояс. Так что с похода короля Атиля рассчитывали пожить не только воины...

– За медный грошик заговорю оружие на удачу, – бормотала нищенка, продававшая амулеты. – Дадите еще грошик – сделаю заговор на попутный ветер, за третий...

– Заткнись, – гаркнул мастер Хуннан, отпихивая ее в сторону. – Король говорить будет.

Кругом зазвенел доспех – все разворачивались лицом к западу. К курганам мертвых властителей, что грядой уходили к северу и вдалеке превращались в ряд осевших, разметанных ветрами земляных горбов.

А над ними, на вершине песчаной дюны стоял король Атиль, и высокую траву у его ног хлестал морской бриз. Король держал в руках свой меч простой серой стали – осторожно и любовно, как больного ребенка. Король вышел в самом простом доспехе: зачем золото тому, чье главное украшение – боевые шрамы? В глазах его полыхало недоброе пламя, и все знали: вот муж, которому неведомы ни страх, ни милосердие! Вот король, за которым каждый воин рад пройти до Последней двери и далее!

Рядом стояла королева Лайтлин и придерживала непраздное чрево, на груди блеснул золотой ключ, а золотые волосы подхватывал и подбрасывал, словно знамя, морской ветер. И все знали: вот владычица, которая, как и ее супруг, не знает страха и милосердия! Говорили, что корабли и половина войска оплачены ее золотом, а королева не из тех, кто упустит случай вложить деньги с выгодой!

Гордо вскинув голову, король медленно шагнул вперед. Потом шагнул снова. Все затаили дыхание, сердце колотилось как сумасшедшее, да не у него одного.

И наконец:

– Со мной ли вы, храбрецы Гетланда?!

Бранд со своим отрядом новобранцев стоял рядом и потому расслышал слова короля, остальным их передавали капитаны кораблей. Над длинным берегом загуляло эхо, заглушаемое порывами ветра.

И тут войско согласно взревело в ответ, ошестинившись оружием. Железо засверкало в лучах Матери Солнце, и в этих бликах, в этом свете все они были как братья. Все они были готовы умереть за тех, с кем стояли плечом к плечу. У Бранда была только сестра, да, но сейчас он чувствовал, словно рядом с ним на этом песке стоят пять тысяч братьев, и от этого сильного, странного чувства, то ли любви, то ли гнева, то ли всего этого вместе, у него навернулись на глаза слезы, а в сердце потеплело. И совсем не жалко стало расстаться с жизнью – потому что братство и единение того стоили!

Король Атиль вскинул руку, требуя тишины.

– Сердце мое исполнено радости – столько братьев я вижу перед собой! Здесь и умудренные воины, прошедшие через десятки битв, и смелые юноши, показавшие себя только на тренировочной площадке! Все вы собрались здесь ради благого дела, а боги и праотцы наши смотрят на нас и радуются!

И он широко раскинул руки и развернулся к курганам:

– И разве приходилось им видеть столь могучее и многочисленное воинство?

Кто-то неосторожно вякнул:

– Нет!

В ответ кто-то заржал, а потом все хорошо заорали:

– Нет! Нет!

И король Атиль снова поднял руку – тише, мол.

– Островитяне посылали свои корабли против нас. Грабили нас, и уводили детей наших в рабство, и проливали кровь на нашей родной земле!

Войско гневно зароптало.

– Это они повернулись спиной к Отче Миру и открыли дверь для Матери Войны, и впустили ее, чтобы она вошла к нам дом!

Ропот становился все громче, и Бранд понял, что рычит, подобно зверю, вместе со всеми.

– Но Верховный король говорит: нечего этим гетландцам собираться под знаменами Матери Войны! Верховный король говорит: нет, пусть гетландцы не вынимают мечи из ножен! Верховный король говорит: пусть молчат и терпят, когда их оскорбляют! Так скажите же мне, гетландцы, каков будет наш ответ?!

И из пяти тысяч глоток вырвался одновременный, оглушающий, срывающий горло рев:

– Сталь!!!

И Бранд ревел до хрипоты вместе со всеми.

– Да.

И Атиль крепче прижал к себе меч, и простая рукоять коснулась изборожденной глубокими морщинами щеки, словно ладонь любимой.

– Сталь – вот наш ответ! Багряный день ждет островитян! Пусть они запомнят его, и веками вспоминают с рыданиями!

И с такими словами он широко зашагал к Матери Море, а за ним, плечом к плечу, последовали его военачальники и дружинники, все как на подбор знаменитые воины, о которых рассказывали легенды, и Бранд с детства мечтал воевать у них под рукой. А те, кто еще не попал в песни бардов, проталкивались к королю, пытаясь хоть одним глазком взглянуть на него, дотронуться до плаща, встретиться с льдисто-серым взглядом. Вокруг то и дело орали: «Железный король!» и «Атиль!», а потом крики слились в мерное скандирование: «А-тиль! А-тиль!», люди били в щиты, звенела сталь.

– Время выбирать будущее, парни.

И мастер Хуннан потряс холщовую сумку. Внутри забрякали дощечки жребия.

Все столпились вокруг, пихаясь и довольно похрюкивая, ни дать ни взять боровы у кормушки, и Хуннан один за другим вынимал своими шишковатыми пальцами жребии из мешка и впечатывал их в протянутые жадные ладони. На каждом деревянном кругляше вырезан был знак – морда того зверя, что украшала нос корабля, к которому парень – точнее, уже мужчина! – теперь приписан. Он присягнет тамошнему капитану, станет одним из команды, будет сражаться и грести вместе со своими новыми товарищами.

Те, кому уже достался жребий, восторженно вопили и поднимали его высоко над головой, кто-то уже спорил, чей корабль и чей капитан лучше, а кто-то смеялся и обнимался – Матерь Война соблаговолила посадить их за одно весло.

Бранд ждал, вытянув руку. Сердце бешено колотилось. Речь короля наполнила его сумасшедшим, пьяным восторгом: он сейчас пойдет в поход! И он больше не мальчишка! Прощай, бедность! Прощай, одиночество! Теперь-то он точно совершает благое дело и пребывает в свете, а вокруг него – семья воинов!

Бранд ждал и смотрел, как ребята получают место на ладьях – парни, с которыми он ладил, парни, с которыми он не ладил, хорошие воины и скверные... Он ждал, а толпа жаждущих все уменьшалась, и жребиев в мешке становилось все меньше, и наконец он даже задумался: а не потому ли он остался последним, что выиграл место за веслом королевской ладьи! Вот это честь! Каждый бы хотел оказаться на таком месте! Хуннан обносил его жребием раз за разом, и надежда Бранда крепла. Он ведь заслужил это, разве нет? Он же трудился как проклятый, он же ж достоин! Он же поступал так, как поступает воин Гетланда!

Раук подошел последним, и Хуннан вытащил для него деревянный, не серебряный жребий. Парень посмурнел, но все-таки сумел улыбнуться, пряча разочарование. Остался только Бранд. Он стоял все так же, с протянутой рукой. Парни вокруг замолчали.

И тут Хуннан улыбнулся. Бранд никогда не видел, чтобы тот улыбался, и непроизвольно улыбнулся в ответ.

– А это тебе, – сказал наставник и медленно, медленно-медленно вытащил испещренную шрамами руку из мешка.

Вытащил руку, а в ней...

Ничего.

Ничего не было в его руке. Ни королевского серебра. Ни простого деревянного кругляшика. Только пустой мешок, вывернутый наизнанку, зияющий криво прошитым нутром.

– Ты что ж, думал, я не узнаю? – спросил Хуннан.

Бранд уронил руку. Все они сейчас стоят и смотрят на него. Он это кожей чувствовал. Все взгляды устремлены на него. Щеки загорелись, как будто ему залепили пощечину.

– Узнаю что? – пробормотал он, хотя прекрасно понимал, о чем речь.

– Что ты этому калеке Ярви на ушко нашептал. Про то, что случилось у меня на тренировке.

Все молчали, а Бранд почувствовал, как кишки завязались в тугой узел.

– Колючка... она не убийца, – выдавил наконец он.

– Эдвал мертв. И это она его убила.

– Ты дал ей испытание, которое невозможно выдержать.

– Я решаю, кому какое испытание положено, – отрезал Хуннан. – А вы их проходите – или нет. Ты свое не прошел.

– Я поступил правильно.

Брови Хуннана полезли вверх. Нет, он не рассердился. Просто удивился. Сильно.

– Ну ладно. Утешай себя. Но мне, видишь ли, тоже надо правильно поступать. Так, чтобы уберечь людей, которых я учу искусству боя. На тренировочной площадке я ставлю вас друг против друга в поединке. Но на поле боя вы должны стоять плечом к плечу. А Колючка Бату всегда одна против всех. Люди бы погибли – и все ради того, чтобы она могла мечом помахать. Нет уж, лучше им без нее в поход идти. И без тебя.

– Воинов Матерь Война отбирает, – выдавил Бранд.

Хуннан лишь пожал плечами:

– Вот пусть она тебе корабль и ищет. Ты хорошо дерешься, Бранд, но человек ты плохой. Хороший – он плечом плечу с товарищем стоит. И строй держит.

Может, нужно было прорычать: «Это нечестно!» Как Колючка тогда. Но Бранд никогда языкастостью не отличался. И с нужными словами не нашелся. Вроде как следовало разъяриться, а ярости не было. Он даже пискнуть не сумел, когда Хуннан развернулся и прошел прочь. Даже кулаки не сжал, когда мимо пошли парни. Парни, с которыми он тренировался все эти десять лет.

Некоторые поглядывали с презрением. Некоторые удивленно. Один или двое сочувственно похлопали по плечу. Но все они прошли мимо. Прошли к берегу, к прибою и к качающимся на волнах кораблям. Место на которых они заслужили. Пошли приносить клятвы верности. В поход, о котором Бранд мечтал всю свою жизнь. Раук шел последним, небрежно придерживая рукоять нового меча. Лыбясь через плечо.

– Ну чо, свидимся, как вернемся...

А Бранд остался стоять один. И стоял так долго. Не двигаясь. Стоял один, в чужой кольчуге, и над широкой полосой песка кричали чайки. На песке отпечатались следы мужчин, которых он считал своими братьями. Стоял один, глядя на то, как отчалил последний корабль и поплыл прочь, в открытое море. А с ним и все Брандовы надежды.

Вот так с ними всегда, с этими надеждами...

Яд

Та, что Поет Ветер, напела им такой ветер на обратном пути из Скегенхауса, что их вообще к черту унесло. На лиги от курса отклонились.

Они гребли как проклятые, а Ральф орал и ругался, пока не охрип, и все повисли на перепутанных веслах, еле дыша, и вымокли до нитки милостью Матери Моря. Колючка боялась до усрачки, но виду, конечно, не показывала. Она всегда храбрилась, хотя нынче морда гляделась не храброй, а зеленой: корабль скакал на волнах, как необъезженная лошадь, и блевала она в тот день так, как никогда не блевала. Ощущение было такое, что все, что она когда-либо ела, извергалось из нее потоком – через борт, на весло, на колени, причем половина всего этого счастья хлестала из нее через нос.

А внутри Колючки тоже бушевала буря – такая же страшная, как и снаружи. Первая пьяная радость – ура! Жизнь продолжается! – сошла, и она осталась наедине с горькой правдой: из-за своей глупой и поспешной клятвы она разменяла будущее гордого воина на судьбу рабыни, и теперь пребывает в полной власти служителя. Только у нее вместо ошейника клятва. А отец Ярви, между прочим, не спешит делиться с ней планами, и чего он там думает с ней сделать, непонятно.

А самое страшное, она почувствовала, как пошла кровь, и внутренности скрутило новой болью, а грудь стеснило, и все вокруг бесило больше обычного. Она страдала и блевала, а команда ржала над ней, и она бы их всех поубивала, если бы нашла в себе силы отлепить пальцы от весла. Но нет, они скрючились и вцепились в дерево мертвой хваткой.

Так что на причал в Ялетофте она сошла, нетвердо держась на ногах, и колени ее дрожали, и камни Тровенланда были скользкими и мокрыми после ночной бури, а в лужах весело посверкивало солнце. И Колючка побрела сквозь толпу, нахохлившись и понурившись, и вопли торговцев и крики чаек мучительно терзали слух, а люди с ее корабля мерзко хихикали и с преувеличенной сердечностью хлопали по плечам, и от этого тоже тошнило.

Она прекрасно знала, что они там себе думают. «Ну и какой прок от девки в деле, для которого нужен мужик?» И она бормотала про себя проклятия и вынашивала планы мести, но голову поднять не решалась – чтобы не блевануть снова.

Отличная вышла бы месть, ага.

– Ты только это, перед королем Финном не стошнись, – предупредил Ральф.

Они как раз походили к высокому терему с резной вызолоченной крышей. Колючке, правда, было не до чудес плотницкого мастерства.

– А то говорят, что он крут нравом...

Однако на ступенях – числом двенадцать, и каждая выточена из мрамора особого цвета – встречала их служительница Финна, мать Кире. Женщина она была видная – высокая, стройная. Мать Кире улыбалась. Одними губами, глаза оставались холодными. Колючка мало кому доверяла, и из этих немногих мало кто умел неискренне улыбаться. И уж совсем никто не походил – ну прям один в один – на ее матушку.

– Приветствую, отец Ярви, – проговорила красавица-служительница. – Мы всегда рады принять тебя в Ялефтофте, но, боюсь, король к вам не выйдет.

– Боюсь, это ты посоветовала ему не выходить, – ответил отец Ярви и поставил мокрый сапог на нижнюю ступень. Мать Кире не стала отрицать очевидное. – Возможно, я смогу увидеть принцессу Скару? Когда мы последний раз встречались, она была десятилетней девчушкой. И тогда, до того, как я прошел испытание на служителя, мы считались кузенами...

– Но ты выдержал испытание, – холодно отрезала мать Кире, – и отвергся родства и семьи, и теперь семья твоя – Община. Так или иначе, но принцесса в отъезде.

– Боюсь, это ты ее отослала, прослышав о моем приезде.

Мать Кире и тут не стала отпираться.

– Праматерь Вексен прислала орла, так что я знаю, зачем ты здесь. Более того, я даже тебе сочувствую.

– Это, конечно, просто чудесно, мать Кире, но помощь короля Финна в беде обрадует меня еще больше. Более того, помощь эта, возможно, сумеет отвратить самое беду.

Мать Кире скривилась – и, судя по гримасе, помогать она вовсе не желала. Точно так же кривилась матушка Колючки, когда та распространялась о своих надеждах стать великим воином.

– Мой господин благоволит тебе и своей племяннице королеве Лайтлин, – сказала она. – Также тебе известно, что он встал бы на твою сторону, даже если бы на него пошло войной полмира. Однако ты сам прекрасно знаешь, что он не может пойти против желаний Верховного короля.

И болтает, и болтает! Впрочем, что взять со служительницы, вон отец Ярви тоже ни слова в простоте не скажет.

– Потому-то он и послал меня, дабы сообщить, как он удручен, что не может допустить тебя пред свои очи. Однако мы просим тебя не отвергнуть нашего скромного гостеприимства и разделить пищу, тепло и кров.

Без пищи Колючка пока точно обойдется, а вот кров и тепло придутся весьма кстати.

Палаты короля Финна не зря прозвали в народе Лесом – ибо кровлю их поддерживали многочисленные столпы, выточенные из бревен, доставленных по Священной реке из Калейва. Глаз гостя радовали искусная резьба и яркие росписи, изображавшие сцены из тровенской истории. А вот понатыканные на каждом шагу стражники глаз гостя совсем не радовали. А стражники, между тем, внимательно глядели на плетущийся по залу растрепанный и оборванный экипаж «Южного ветра». Колючка выглядела оборванной и растрепанной всех и к тому же держалась за больной живот.

– В Скегенхаусе нас приняли отнюдь не... тепло.

Отец Ярви наклонился к уху матери Кире, и Колючка расслышала его шепот:

– Если бы я тебе так не доверял, то заподозрил бы, что нам здесь грозит опасность...

– Заверяю тебя, отец Ярви, что здесь тебе не грозит никакая опасность.

И мать Кире широким жестом указала на двоих совершенно не внушающих доверия мордovorотов, стороживших дверь в гостевой зал. Оттуда несло застоявшимся дымом.

– Вот вам вода, – тут она указала на бочку с таким видом, словно там золото держали. Тоже мне сокровище.

– Рабы принесут вам еды и эль. Комната, где ты и твоя команда сможете переночевать, уже подготовлена. Не сомневаюсь, с рассветом вы захотите покинуть наш гостеприимный дом – ведь настанет время прилива, а вы пожелаете немедля доставить новости королю Атилю.

Ярви горестно поскреб голову запястьем покалеченной руки.

– Похоже, ты все продумала, а?

– Таков мой долг служительницы.

И мать Кире вышла и захлопнула за собой дверь. Разве что на ключ их не заперла, а то это совсем бы уже походило на тюремное заключение.

– Ну чо, не ожидал, что тебя так тепло примут? – проворчал Ральф.

– Финн и его служительница предсказуемы, как Отче Месяц в небесах. Они осторожничают, ибо живут под рукой Верховного короля...

– Длинные же у него руки, как я погляжу, – заметил Ральф.

– Длинные, и к тому же удлиняются с каждым годом. Колючка Бату, что у тебя личико такое зеленое?

– Это я так расстроилась, что у нас в Тровенленде союзников не нашлось! – парировала она.

Отец Ярви тонко улыбнулся:
– Посмотрим-поглядим, хм...

* * *

Она вдруг проснулась. Кругом в темноте сопели и храпели с присвистом.

Почему-то она была вся покрыта испариной и мерзла. Откинув одеяло, она обнаружила, что между ног липко и влажно от крови. И выругалась.

Лежавший рядом Ральф выдал особо залиvistую руладу и перевернулся на другой бок. Вокруг слышалось сонное дыхание остальных. Люди ворочались, бормотали во сне, теснясь на грязных тюфяках, подобные рыбам на прилавках торговцев в базарный день.

Ей никто не дал отдельной комнаты, да она и не просила. И не хотела. Хотя вот чистая тряпица, между ног сунуть, сейчас бы ох как не помешала.

Она побрела вниз по коридору, встряхивая спутанными волосами. Живот крутило, и она расстегнула пояс, так что пряжка болталась и шлепала ее по бедру. Колючка сунула руку в штаны – пощупать между ног, сильно ли кровит. Только здоровенного пятна ей там не хватало – позору не оберешься, вовсе засмеют... Как же она ненавидела вот это все, а заодно и Ту, что растит Семя, – ну за что ей эта дрянь? Колючка никогда не понимала глупых баб, которые этой дряни радовались, и мамаша ее такая же тупая, тьфу на нее...

Так она ругалась и шла, шла и ругалась, и тут...

Тут она заметила, что в темном зале кто-то стоит.

Мужчина. Одетый в черное. И стоит он около бочки с водой. В одной руке у него крышка от бочки. А в другой – кувшинчик. И он только что в бочку из кувшинчика что-то вылил. Единственная свечка еле теплилась, к тому же незнакомец очень косил, однако Колючка кожей почувствовала: мужик смотрит прямо на нее.

Так они стояли, не двигаясь, некоторое время: он, застыв над водой со своим кувшином, она – запустив ладонь в штаны.

Потом человек сказал:

– Ты кто?

– Я кто? Это ты кто?

«Всегда подмечай, где лежит оружие, вдруг пригодится», – наставлял ее отец. Глаза ее тут же метнулись к столу, заваленному объедками ужина. К ужину она почти не притронулась. Зато среди огрызков торчал кухонный нож – кто-то воткнул его острием в столешницу, да так и оставил. Короткое лезвие слабо поблескивало. Клинок не для героя, но если тебя застали врасплох со спущенными штанами, и такой сгодится.

Она тихонечко вытащила руку из штанов, тихонечко двинулась к столу. И торчащему ножу. А мужчина тихонечко отставил кувшинчик, не спуская с нее глаз. Точнее, он смотрел куда-то рядом с ней – ну косоглазый же.

– Ты чего здесь забыла? – пробормотал он.

– Я чего забыла? Это ты чего в нашу воду налил?

– Положь ножик.

Но она же уже выдрала его из столешницы и стояла с клинком на изготовку. Рука дрожала, голос срывался:

– Это яд, да?

Мужчина небрежно уронил крышку бочки на место и шагнул к ней.

– Только без глупостей, милая.

Теперь он стоял лицом к ней, и Колючка видела – меч. У него на поясе висит меч. И правая рука уже лежит на рукояти.

Наверное, она просто запаниковала. А может, наоборот, в голове резко прояснилось. Потому что она без раздумий бросилась на него, ухватила за запястье и всадила нож прямо ему в грудь.

И совсем это было не трудно. Легче, чем вы думаете, ага.

Человек в черном прерывисто выдохнул. Меч он успел вытащить едва ли на четверть. Глаза еще больше скосились, рука беспомощно зацапала ей по плечу.

– Ты...

И он с грохотом завалился на спину, увлекая ее за собой.

Колючка стряхнула с себя обмякшую руку и вскарабкалась на ноги. Черная одежда незнакомца становилась все темнее, пропитываясь кровью. В груди торчал кухонный нож. Колючка всадила его по рукоятку.

Потом она крепко зажмурилась. Потом снова открыла глаза. Нож все так же торчал в груди человека.

Значит, не приснилось.

– Боги мои... – прошептала она.

– Они редко приходят на помощь.

В дверях стоял отец Ярви. И взгляд у него был очень хмурый.

– Что произошло?

– Он яда в бочку налил, – пробормотала Колючка, ткнув в валяющийся на полу кувшинчик. – Ну, в смысле, я так подумала...

Служитель опустил на корточки рядом с мертвецом:

– Один труп на твоём счету, другой... Я смотрю, Колючка Бату, ты вошла во вкус...

– Убивать людей – это плохо, я знаю, – пискнула она.

– Это смотря кого убивать, – наставительно произнес отец Ярви, медленно поднялся, огляделся, подошел к ней и заглянул в лицо.

– Он тебя ударил?

– Ну... нет...

– Значит, ударил.

И он врезал ей в челюсть, да так, что она улетела и шмякнулась на стол.

А он подскочил к дверям, распахнул их во всю ширь и заорал что есть мочи:

– Кровь! В палатах короля Финна пролилась кровь! Убийство! К оружию! К оружию!

Первым вбежал Ральф, поморгал, глядя на труп, и тихонько заметил:

– Отличная работа...

Затем в зал влетели стражники, тоже поморгали, глядя на труп, – и выхватили мечи.

Потом в зал ввалилась команда. Они чесались в растрепанных шевелюрах и заросших подбородках и бормотали молитвы.

Последним в зал вошел король Финн.

Вот ведь в каком звездном обществе она оказалась с тех пор, как убила Эдвала. Колючка уже повстречалась с пятью служителями и тремя королями, причем одним Верховным. Впрочем, только один из королей произвел на нее впечатление – тот, кто убил ее отца. Может, конечно, этот Финн и славился своими приступами ярости, но выглядел он как-то... рыхловато. Подбородок сливался с шеей, шея растекалась в плечи, там и брюшко выпирало, а на голове торчали редкие седые волосики – наверняка король только что с постели вскочил.

– На коленки, я смотрю, ты так падать и не научилась? – прошипел Ральф, утягивая Колючку на пол. Остальные уже попадали. – И ради всех богов, застегни ты свой пояс!

– Что здесь случилось? – проорал король, заплевав морщащуюся стражу слюной.

Колючка крепко зажмурилась. И на ощупь продолжила возиться с пряжкой ремня. Теперь-то ее точно камнями завалят. Как пить дать. Возможно, остальных членов команды

казнят с ней за компанию. В их взглядах ясно читалось что-то вроде: «Вот что случается, если девке дать ножик. Даже кухонный».

Мать Кире выглядела безупречно даже в ночной рубаше. Она подхватила кувшинчик, осторожно придержав указательным и большим пальцами, принялась и сморщила нос:

– Ох ты ж... Яд, мой король!

– Клянусь всеми богами! – И Ярви положил руку на плечо Колючки – ту самую руку, которой он только что так чувствительно дал ей в зубы. – Если бы не смекалка этой девушки, я и моя команда еще до утра покинули бы этот мир через Последнюю дверь!

– Обыскать! Все вверх дном перевернуть! – взревел король Финн. – Доложить, как этот ублюдок сумел проникнуть в комнаты!

Один из воинов опустился на колени рядом с убитым и обыскал его одежду. И вдруг вскинул руку. На ладони блестело серебро:

– Монеты, мой король! Отчеканены в Скегенхаусе!

– Что-то в моих палатах слишком много всего из Скегенхауса! – король затряс брыльками, брыльки покраснели от гнева. – Монеты праматери Вексен, орлы праматери Вексен, требования праматери Вексен! Она постоянно чего-то требует! И от кого? От меня, короля Тровенленда!

– Все это во благо ваших подданных, мой король, – принялась увещевать Финна мать Кире. Она по-прежнему улыбалась, вот только теперь даже губы ее приморозило, не только глаза. – Подумайте об Отче Мире, Отче Голубей, который превращает кулак в...

– Я претерпел слишком много оскорблений во имя Отче Мира.

С брылек гневный румянец перекинулся на полные щеки короля.

– Прежде Верховный король был первым среди равных, и все мы были как братья. Теперь же он повелевает, подобно отцу. Он говорит нам, как мужчины должны сражаться. Как женщины торговать. Как всем нам надлежит молиться. Храмы Единого Бога растут на нашей земле, как грибы после дождя, а я – я ни слова не сказал против!

– И правильно сделали, – осторожно заметила мать Кире, – и было бы разумно...

– И что же, теперь праматерь Вексен подсылает к нам убийц?

– Мой король, у нас нет доказательств...

И тут Финн заорал на свою служительницу, и расплывшееся, как квашня, лицо из розового стало ярко-красным:

– В мой собственный дом! Травить моих гостей!

И он ткнул в тело толстым, как сосиска, пальцем:

– Под моим кровом, под моей защитой!

– Я бы посоветовала сохранять благоразумие...

– А ты всегда мне это советуешь, мать Кире, но у моего терпения есть предел, и Верховный король переполнил его чашу!

Теперь лицо короля равномерно полыхало алым. Он схватил отца Ярви за здоровую руку:

– Передай моей возлюбленной племяннице королеве Лайтлин и ее досточтимому мужу, что они всегда найдут в моем лице друга! Я останусь им другом, чего бы мне это ни стоило! Клянусь!

У матери Кире не нашлось подходящей улыбки для этого мига. Не то что у отца Ярви – тот аж расплылся от удовольствия:

– Дружба – это все, что нам от вас нужно!

И он высоко поднял руку короля Финна.

Все громко и радостно заорали: стражники несколько ошалело – никто не ждал, что Гетланд и Тровенленд так быстро станут союзниками, команда «Южного ветра» – с облегчением, а Колючка Бату была в ладоши сильнее всех. Когда она нечаянно убила человека, это называли

подлым убийством. А когда она убила человека хладнокровно и предумышленно, оказалось, что она герой.

Но что делать? Она мрачно проводила взглядом тело, которое уже выволакивали из зала. И все-таки ее глодало странное чувство, что что-то здесь не так.

Где найдешь, где потеряешь

Бранд уже порядочно набрался.

Такое с ним частенько случалось в последнее время.

Он с трудом устроился грузчиком в порту, и надо сказать, за день успевал уработаться до упаду. Самое дело, чтобы вечером выпить. Он и выпивал. Оказалось, у него к этому прямо талант. Ну, хоть что-то от папаша ему досталось.

А поход оказался сказочно удачным. Островитяне, видно, так уверовали в то, что Верховный король их защитит, что совсем не подготовились к нападению. Их застали врасплох, захватили половину кораблей, другую половину сожгли. Бранд смотрел, как по улицам Торлбю горделиво вышагивают мужи Гетланда, вернувшиеся с победой – нагруженные добычей, довольные, обласканные вниманием. Их восторженно приветствовали из каждого окна. Говорили, что Раук привел из похода двух рабов, а Сордафу досталось серебряное запястье. Еще он слышал, что Атиль выволок старого короля Стира голым из его палат, поставил на колени и взял клятву Солнцем и Луной никогда не обнажать меча против гетландцев.

Одним словом, все вернулись из похода героями, прямо как в песнях героями. А что уязвляет больше всего и напоминает о собственных неудачах? Конечно, чужой успех.

Бранд плелся кружной дорогой, из переулка в переулок, обтираясь плечами о стены домов, шатался и орал на звезды. Кто-то орал в ответ. Может, звезды, может, из окон орали. Не все ли равно? Он шел наобум. Какая разница, куда идти, в самом деле?

Он не знал, куда идти и что делать.

– Ты меня пугаешь, – как-то сказала Рин.

– Да ты что? У меня мечту всей жизни отняли, каким мне еще быть? – нарычал он на нее.

И что она могла ответить?

Он попытался вернуть ей кинжал.

– Мне он больше не нужен. И я его не достоин.

– Я его для тебя делала, – отрезала она. – И я все равно тобой горжусь.

Она всегда была как кремень, его сестренка, и никогда не плакала, а тут у нее в глазах стояли слезы. И от вида этих слез Бранду стало так больно, так больно, как никогда после драки. А дрался он много, и били его часто.

Так что он попросил Фридлиф налить ему снова. И снова. И снова. А Фридлиф качала седой головой: мол, как же так, такой молодой, и пьет горькую, как так можно. Но он не первый такой к ней приходил за выпивкой. В конце концов, она ж с этого жила – наливала и наливала.

Зачем он пил? Затем, что, надравшись, он обвинял в том, что случилось, других. Всех подряд: Хуннана, Колючку, Раука, отца Ярви, богов, звезды над головой, камни под ногами. А протрезвев, понимал, что он сам во всем виноват.

Он врезался в стену в этих потемках, его повело и развернуло, внутри плеснул гнев, и он заорал:

– Я поступил правильно!

И он ударил в стену кулаком и не попал – и к счастью, а потом рухнул в канаву – зная, кончилась удача.

Потом его стошнило прямо на руки.

– Ты Бранд?

– Был, – пробормотал он, пытаясь встать на колени.

Над головой маячила фигура мужчины. А может, их было двое.

– Тот самый Бранд, который тренировался вместе с Колючкой Бату?

Он презрительно фыркнул, в носу опять засвербило от запаха рвоты, и его чуть снова не вывернуло.

– К сожалению.

– Тогда это тебе.

Лицо окатило ледяной водой, он заплелся, попытался подняться на ноги, оскользнулся и рухнул обратно в канаву. Пустой бочонок покатился по булыжнику. Бранд смахнул с лица мокрые волосы и в свете фонаря разглядел стариковское лицо, исчерченное морщинами и испещренное шрамами. И седую бороду.

– Надо бы мне тебе в морду дать, старый козел, – просипел он.

Впрочем, в этой канаве не так-то просто встать на ноги, да и стоит ли?

– Так я ж тебе дам в ответ, а битой мордой делу не поможешь. Поверь, я знаю, о чем говорю. Сколько раз уже через это проходил.

И старик положил ладони на колени и низко склонился над ворочающимся в канаве Брандом:

– Колючка сказала, что ты – лучший из тех, с кем она тренировалась. А вот я гляжу на тебя, сынок, и думаю, что на лучшего ты совсем не похож.

– Время, оно никого щадит.

– Не щадит, это верно. Но воин дерется до последнего. Вроде как ты воин, а?

– Был, – снова ответил Бранд.

И тут старик протянул ему здоровенную лапищу:

– Ну и отлично. Звать меня Ральф. Пойдем, я тебя отведу туда, где ты сможешь всласть подраться.

Ральф отвел его в старый склад. Там горели факелы, и место для поединков было огорожено веревками, прямо как на тренировочной площадке. Только обычно вокруг площадки толпились люди, а тут особо много народу не наблюдалось. Зато тот, кто наблюдался, едва не вызвал у Бранда новый приступ рвоты.

На высоком табурете, со сверкающим ключом от сокровищницы королевства на груди, восседала Лайтлин, Золотая королева Гетланда. Рядом примостился человек, который раньше был ей сыном, а теперь стал ее служителем – отец Ярви. А за ними стояли четверо рабов в серебряных ошейниках – два здоровенных инглинга с устрашающими топорами за поясом и не менее устрашающими, как из камня рубленными, мордами, и две девицы, схожие, как две половинки грецкого ореха. Косы у них были такой длины, что приходилось наматывать их на руки.

А у стены стоял самый отвратный из противников Бранда по тренировочной площадке – Колючка Бату. Вся такая непринужденная: одна нога согнута и упирается в камень, на губах кривая насмешливая улыбочка.

И странное дело: сколько раз в пьяном угаре он винил ее во всех своих бедах! А тут вдруг увидел – и понял, что рад ее видеть. И вообще воспрял духом. Нет, не потому, что она ему нравилась, нет. Просто самый вид Колючки напомнил ему о временах, когда он сам себе нравился. Когда будущее было понятно, и это будущее его вполне устраивало. Более того, у него были большие надежды на это будущее, и мир казался полным чудес и опасностей.

– Я думала, что ты сюда не дойдешь.

И она продела руку в щитовые ремни и подхватила деревянный меч.

– А я думал, тебя камнями раздавили, – парировал Бранд.

– А это никогда не поздно успеть, – подал голос отец Ярви.

Ральф пихнул Бранда между лопаток, и тот, путаясь в ногах, вылетел на площадку.

– Ну давай, парень, покажи, на что ты способен.

Бранд никогда остротой ума не отличался, а сейчас, после выпивки, и вовсе нещадно медлил, но суть уловил верно. Он даже умудрился дойти до стойки с тренировочным оружием по прямой и почти не шатаясь, взял меч и щит, спиной чувствуя холодный оценивающий взгляд королевы. Лайтлин подмечала каждое его движение.

Колючка уже встала на позицию.

– Ну и видок у тебя, – пробормотала она.

Бранд оглядел рубаху, мокрую и кое-где, увы, заблеванную, и согласно кивнул:

– Не лучший, ага.

Усмешечка на лице Колючки превратилась в гадкую улыбочку:

– А кто мне все уши прожужжал: мол, вернусь из похода богачом, а?

Вот это сейчас обидно было.

– Я не пошел в поход.

– Струсил, что ль? Никогда бы не подумала на тебя!

А вот это еще обиднее было. Она всегда знала, как достать его.

– Нет. Меня не взяли, – прорычал он.

Колючка расхохоталась – видно, выпендривалась перед королевой. А что, она ж все время распространялась насчет того, какая та замечательная и потрясающая.

– А я-то! Я-то чуть от зависти не померла, думала, шас увижу прославленного героя, и что? Смотрю – а передо мной пьяный нищий парнишка стоит-шатается! Ха!

Бранда словно изнутри холодной водой окатили – и он протрезвел быстрее, чем если бы из ведра в лицо плеснули. Он нищий, да. И потому-то ему так обидно.

А Колючка все хихикала – как же, уела врага!

– Ты всегда был идиотом! Хуннан лишил меня места на корабле, а ты-то как свое проворонил?

Бранд бы с огромным удовольствием рассказал, как он потерял место. С огромным удовольствием он бы проорал это ей в лицо. Вот только нужных слов не нашлось, потому что из груди его вырвался звериный рык, и становился он громче и громче, пока не загудела от него и грудь, и самый зал вокруг, и он оскалился и стиснул зубы так, что казалось, еще чуть-чуть – и они раскрошатся. А Колючка подняла щит и мрачно глядела на него поверх кромки – как на безумца. А может, он и вправду сошел с ума.

– Начали! – гаркнул Ральф.

И Бранд бросился на нее, отбил ее меч, ударил в щит так, что щепки полетели. Она извернулась, и как быстро, она всегда двигалась быстро, змеища, отскочила, чтоб удобнее замахнуть, – но в этот раз он не сомневался.

Удар пришелся в плечо, но он его почти не почувствовал, заорал и пошел вперед, мутузя ее и так и эдак, а она отступала, спотыкаясь, щиты скрипели друг о друга, и он чуть над полом ее не поднял, когда Колючка запнулась за веревку и со всей дури впечаталась спиной в стену. Она попыталась вывернуться и освободить меч, но он жестко держал его над плечом, а потом ухватился левой за ее щит и с силой дернул вниз. Они сошлись слишком близко, чтобы биться мечами, и он отбросил свой деревянный клинок и принялся месить ее как тесто, вымещая на Колючке весь свой гнев и разочарование, словно бы перед ним был Хуннан, или Ярви, или эти так называемые друзья, которые так выгодно для себя промолчали и украли его мечты и его будущее.

Он ударил ее в ребра, и она застонала, он ударил еще, и она согнулась пополам, глаза полезли из орбит, он ударил еще, и она с грохотом рухнула на пол, кашляя. И блеванула ему на ноги. Он бы ей еще и пинков навешал, но Ральф зажал локтем его шею и отволол в сторону:

– Довольно.

– Ага, – пробормотал он, обмякая. – Более чем.

И стряхнул щит с руки, и разом нахлынул ужас: что ж я сделал-то?! Гордиться тут было нечем, он прекрасно знал, каково это, когда тебя так отделали на тренировке. Может, он все-таки еще что-нибудь от отца унаследовал. Во всяком случае, сейчас он точно не пребывал в свете, нет, не пребывал от слова совсем.

Королева Лайтлин горько вздохнула, Колючка все еще перхала и сплевывала. Королева развернулась на своем высоком табурете:

– Долго же я тебя ждала...

И только тут Бранд заметил, что за поединком наблюдает кто-то еще – кто-то, кто примостился в темном уголке, совершенно невидимый в своем плаще из лоскутов всех цветов серого.

– Я прихожу в час нужды. Или когда меня меньше всего ожидают.

Голос из-под капюшона принадлежал женщине. Какой странный акцент...

– Или когда я очень голодна.

– Ты видела это? – спросил Ярви.

– Сомнительная честь, но да, видела.

– И что скажешь?

– Она – дура несчастная. В сердце пусто, там только гнев и гордыня. Она самоуверенна – и в то же время не верит в себя. Она себя не знает, совсем.

И женщина в тени сдвинула капюшон. Оказалось, у нее черная кожа, лицо изможденное, словно она и впрямь месяцами голодала. Волосы стрижены коротко, топорщатся седоватой гривкой. Незнакомка запустила в ноздрю длинный указательный палец, долго ковырялась, придирчиво оглядела вытасненное, а потом отщелкнула в сторону.

– Короче. Девка – глупая. Пень пнем. И даже хуже. Пни – они обычно тихонько себе гниют, а от этой дуры – сплошной вред.

– Я все слышала, – прошипела Колючка, как раз пытавшаяся встать на четвереньки.

– Вот и лежи там, куда тебя пьяный мальчишка уложил, – и женщина улыбнулась Бранду, как акула – сплошные зубы во рту, аж страшно. – А он мне нравится, хм. Смазливый и отчаянный. Прямо как я люблю.

– Ну а она на что-нибудь сгодится? Можно с ней что-то сделать? – поинтересовался Ярви.

– Сделать-то можно, вопрос, какой ценой.

И женщина отлепилась от стенки. Странная у нее походка была – она покачивалась, дергалась и извивалась, словно танцуя под слышную одной ей музыку.

– Сколько вы мне заплатите, чтобы я занялась ее бесполезной тушкой? Вот в чем вопрос. И потом, ты и так у меня в долгу.

И длинная рука выдернула из-под плаща какую-то штуку и протянула королеве.

Это была шкатулка размером с голову ребенка – темная, идеальной квадратной формы, с гравированной золотом надписью на крышке. Бранд понял, что не может оторвать глаз от этой странной вещи. Пришлось буквально одернуть себя – так хотелось подойти и посмотреть поближе. Колючка тоже таращилась. И Ральф. И королевичи трэли. Так смотрят на жуткую смертельную рану – вроде как ужас, но глаз не отвести. Никто из них, естественно, не умел читать, но тут не нужно быть служителем, чтобы понять: это эльфийские буквы. Эти письмена начертали задолго до Божьего Разрушения.

Отец Ярви тяжело сглотнул, протянул к шкатулке больную руку и единственным пальцем осторожно поддел крышку. Та откинулась. То, что там лежало, испускало бледный свет. В этом свете тени на лице служителя, казалось, залегли еще глубже, когда он изумленно приоткрыл рот. Этот свет отразился в расширенных от изумления глазах королевы Лайтлин – а Бранд-то думал, что эту женщину ничем не удивить...

– Клянусь всеми богами, – прошептала королева. – Оно и впрямь у тебя.

Женщина отвесила картинный поклон, пола плаща скользнула по полу, разметая пыль и солому.

– Я держу обещания, о самая золотая из королев...

– Значит, оно... работает?

– Желаете ли вы, чтобы оно поменяло цвет?

– Нет, – быстро сказал отец Ярви. – Пусть поменяет цвет перед Императрицей Юга, не раньше.

– Остается вопрос...

Не отводя глаз от шкатулки, королева протянула женщине сложенный листок бумаги:

– Все твои долги прощены.

– Именно этот вопрос я и хотела задать...

И чернокожая нахмурилась, осторожно взяв листик двумя пальцами.

– Меня часто называли ведьмой, однако вон оно – настоящее колдовство: клочок бумаги стоит мешка золота...

– Времена меняются... – пробормотал отец Ярви и захлопнул шкатулку.

Свет тут же погас. И только тогда Бранд понял, что стоял, затаив дыхание. И медленно выдохнул.

– Набери нам команду, Ральф, ты знаешь, какие люди нам нужны.

– Стойкие и крепкие, полагаю, – заметил старый воин.

– Гребцы и солдаты. Изгои и отчаявшиеся. Мужчины, которые не падают в обморок при мысли о кровопролитии – и при виде крови. Нам предстоит долгий путь, и слишком многое зависит от того, чем закончится путешествие. Мне нужны люди, которым нечего терять.

– Вот это мне нравится! – и чернокожая хлопнула себя по бедрам. – Возьмите в команду меня, не пожалеете!

И она прозмеилась между табуретами и, все так же вихляя, скользнула к Бранду. На мгновение рваный плащ распахнулся, и под ним блеснула сталь.

– Угостить тебя выпивкой, парень?

– Парень уже и так угостился, ему хватит.

Королева Лайтлин смотрела прямо на него, и четверо ее рабов тоже. Бранд с трудом сглотнул, во рту все еще стоял вкус рвоты, но сейчас стало очень, очень сухо.

– Я родила двоих сыновей от первого мужа, за что буду ему всегда признательна, но должна сказать – он слишком много пил. Выпивка делает плохого человека еще хуже. И портит хорошего.

– Я... я решил бросить пить, моя королева, – промямлил Бранд.

Он знал, что обратного пути нет. С выпивкой, нищетой, работой в доках покончено.

Черная женщина разочарованно надула щеки и фыркнула. И пошла к дверям:

– Я смотрю, у нынешней молодежи совсем плохо с честолюбием.

Лайтлин даже ухом не повела.

– Ты дерешься, как один мой старинный друг.

– Благодарю...

– Не благодари. Мне пришлось его убить.

И королева Гетланда величественно выплыла из зала, а следом за ней ее рабы.

– Мне нужно команду собирать.

И Ральф взял Бранда под руку.

– А тебя, парень, уже канава заждалась...

– Канава как-нибудь переживет без меня.

Ральф, конечно, был мужик сильный, но Бранд даже на дюйм не сдвинулся. Он прекрасно запомнил, как это – сражаться, каков он – вкус победы. И теперь точно знал, что такое поступать правильно и что такое благое дело.

– С тобой удача, старик, – сказал он. – Так что считай, что одного человека в команду ты уже нашел.

Ральф презрительно отфыркнулся:

– Это тебе не увеселительная прогулка, парень, и даже не поход на Острова. Мы поплывем вверх по Священной реке и вниз по Запретной, и нас ждут волоки в ее верховьях. Мы

отправляемся к князю Калейвскому. И к Императрице Юга, что сидит в Первогороде! Вот куда лежит наш путь! Неисчислимые опасности подстерегают нас! А что случится, если самый могущественный человек в мире узнает, что мы ищем, с кем объединиться против него? Перед нами – месяцы пути. И неизвестно, вернемся ли мы домой.

Бранд с трудом сглотнул. Опасности, значит... Причем неисчислимые... Да, но это ж и возможность разбогатеть! Сколько народу заслужило почет и славу на Священной реке! А сколько золота натащили из земель за ней!

– Вам гребцы не нужны? – спросил он. – Я хороший гребец. Грузы таскать? Вот он я, грузчик. А может, вам воины надобны?

И Бранд кивнул в сторону Колючки, которой таки удалось вскарабкаться на ноги. Сейчас она стояла и, морщась, растирала ребра – еще бы, ей сильно досталось...

– Так я и драться умею. Вам нужны люди, которым нечего терять? Ну так вот он я, далеко ходить не надо!

Ральф хотел было что-то сказать, но его опередил отец Ярви:

– Путь опасен, но мы обязаны открыть дорогу для Отче Мира. Мы отправляемся на поиски союзников.

Служитель едва заметно кивнул в сторону Бранда:

– Возможно, у нас найдется на борту местечко для человека, который думает о том, что надо поступать правильно и творить добро. Дай ему жребий, Ральф.

Старый вояка почесал в седой бороде:

– Тебе, парень, достанется худшее место. Трудиться будешь не разгибаясь, получать гроши. Кормовое весло, в общем.

И он махнул в сторону Колючки:

– Аккурат напротив этого сокровища.

Колючка одарила Бранда мрачным долгим взглядом и сплюнула. А он только сильнее заулыбался. У него опять появилось будущее. И оно ему нравилось. Вообще никакого сравнения с работой грузчика в порту!

– Да с удовольствием!

И он сгреб жребий с ладони Ральфа: на деревянном кругляше била крыльями голубка служителя. И сжал вокруг медальончика пальцы – до боли.

Похоже, Матерь Война все ж таки отыскала для него корабль. Или это был Отче Мир?..

Часть II

Священная и Запретная

Урок первый

«Южный ветер» покачивался на приливной волне и выглядел очень прилично: новые весла, новый парус, свежеекрашенные обводы, да и припасов в достатке. Ни дать ни взять готовая взять след поджарая гончая. На носу и на корме слепили белым оперением голубки Общины. Красавец-корабль, к слову. На таком не грех и в легенду всплыть.

К сожалению, про команду сказать такое язык не поворачивался.

– Какие-то они... – матушка Колючки всегда умела подобрать красивое слово для очевидных неприглядностей, но тут даже она растерялась, – ... эээ... очень разные. Мда.

– Страшно сказать, как бы я это все назвала, – пробормотала Колючка.

Она бы выдала что-то вроде «отъявленные, отвратительные ублюдки и висельники». А что, вполне подходит для жуткого сброда, что сейчас топал по палубе «Южного ветра» и по причалу, таская мешки и перекатывая бочки, тягая за канаты. Все эти мужланы пихались, орали, хохотали и ругались, а надо всем этим бдительно надзирал Отец Ярви.

Понятно, что людей набирали в дружину, а не шелком вышивать, но все равно – это ж бандиты, а не воины! Морды в шрамах, совести никакой. Одни только бороды чего стоили: и раздвоенные, и плетеные, и узорно подбритые! А волосы? Крашенные! И торчком стоят! А одежда? Все в немыслимых отрепьях, но руки бугрятся мышцами, шеи бычьи, а на мозолистых пальцах – золото и серебро! Эти молодчики явно себя высоко ценят, это ж какая прорва денег в кольца вложена!

Интересно, как до дела дойдет, какой высоты гору трупов эта шобла навалит? Впрочем, Колючку так легко не запугаешь. Особенно, если деваться некуда. Она поставила наземь свой рундук. Туда, кстати, уместились все пожитки. Отцовский меч, бережно завернутый в пропитанную маслом тряпицу, лежал сверху. А потом набралась храбрости, подошла к самому здоровенному мужику и постучала ему по ручище:

– Я – Колючка Бату.

– А я – Доздуй.

И она поняла, что не может отвести взгляда – у мужика оказалась чудовищных размеров башка. Казалось, все черты сместились к середине похожего на непропеченный каравай лица, причем зависло оно на такой высоте, что Колючка поначалу решила: мужик явно забрался на ящик.

– Какая нелегкая тебя сюда занесла? – поинтересовался он преувеличенно трагическим голосом.

Эх, жаль, придется правду-матку резать. Колючка отрезала:

– А я с вами плыву.

Глаза мужика сместились еще глубже к середине лица – не иначе как от напряжения мысли.

– Это что ж, значит, по Священной Реке, до Калейва и дальше?

Колючка задрала голову и нацелилась подбородком – ей было не привыкать:

– Если корабль от перегруза не потонет – а то ж столько мяса на борту.

– А не перекосит нас? Малявка на одной стороне скамьи, мужик на другой – как быть, а?

Это сообщил мелкий и крепкий, совершенно не похожий на огромного и рыхлого Доздуй мужичок. Рыжие волосы его торчали задорным хохолком, а в глазах прыгала сумасшед-

шинка. Таких глаз Колючка еще не видала – ярко-голубые, глубоко посаженные и очень блестящие.

– Меня Оддой звать, и слава моя идет по всему морю Осколков.

– И чем же ты славен?

– А всем понемногу.

И тут он оскалил желтые зубы в волчьей улыбке, и Колючка с ужасом увидела: они подпилены, как у убийц.

– С нами плывешь, значит? Я прям весь в предвкушении, хе-хе...

– Я тоже, – сумела выдавить она, невольно пятясь.

А поскольку Колючка пятилась, то налетела на кого-то, стоявшего сзади. Она посмотрела вверх, оборачиваясь, и бравада разом слетела с нее. Колючка аж съежилась, увидев это лицо. Толстый шрам начинался от уголка глаза с вывернутым розовым веком, тянулся через заросшую щетиной щеку через губы. А самое ужасное, она посмотрела на волосы мужика, длинные и заплетенные в косы, и поняла, что поплывет на одном корабле с ванстерцем.

Он с пугающим равнодушием оглядел ее перекошенное от страха лицо – нет чтоб зарычать, к примеру. И мягко сказал:

– Я Фрор.

Ну что делать? Либо ты пыжишься, либо ты слабак. Колючка решила, что особого выбора нет, так что надулась и храбро гавкнула:

– Как тебя угораздило такой шрам получить?

– А как тебя?

– Меня что?

– Шрам получить. Или тебе боги такую рожу дали? – И с бледной улыбочкой ванстерец пошел сматывать канат.

– Да защитит нас Отче Мир! – пискнула матушка, придвигаясь поближе. – Страшные они какие, вот что я хочу сказать...

– Ничего, скоро они меня будут бояться, – заявила Колючка, не в первый раз желая, чтобы сказанное уверенным тоном непременно сбывалось.

– И что в этом хорошего?

Матушка как раз разглядывала бритого мужика, у которого по всему лицу шли татуировки рунами за все возможные преступления. Тот как раз ржал на пару с сухошавым дядькой с покрытыми подсыхающими язвами руками.

– Что хорошего в том, чтобы люди вроде этих тебя боялись?

– Лучше, чтобы тебя боялись, а не ты боялась.

Так говорил отец, но у матушки, конечно, ответ был наготове:

– И что, в жизни есть только это либо – либо?

– У воина – да.

Вот кто бы ей объяснил, почему так получалось: всякий раз, когда ей случалось сказать матери хотя бы десять слов, Колючка оказывалась припертой к стенке, защищая заведомо проигрышную позицию. Она знала, что ей скажут дальше: «И зачем так упорно сражаться за право быть воином? Если твой единственный приз – чужой страх?» Но матушка почему-то промолчала, и вообще выглядела какой-то бледной и испуганной, что только обострило чувство вины – вдобавок к закипающему внутри гневу. Все как всегда.

– Ну так иди домой, чего ты здесь стоишь? – резко сказала Колючка.

– Я хочу проводить в путь свое единственное дитя! Хоть это ты можешь мне позволить?

Отец Ярви говорит, что вы чуть ли не через год вернетесь!

Тут матушкин голос задрожал, и Колючка разозлилась еще больше.

– Если вы вообще вернетесь!...

– Не бойтесь, голубки мои!

И Колючка подскочила, когда кто-то вдруг приобнял ее за плечи. Та самая странная женщина, что наблюдала за их с Брандом поединком пару дней назад, незаметно подкралась сзади и сунула бритую, обросшую седенькой щетиной голову между ней и матерью.

– Ибо отец Ярви в мудрости своей доверил воспитание твоей дочери мне. Знай, что искуснее наставницы тебе не найти.

Колючка ошибочно полагала, что настроение ее испортить нельзя, ибо оно и так уже хуже некуда. Но боги и тут нашли способ объяснить, как она не права.

– Воспитание?..

Женщина заключила их в крепкое объятие, в ноздри ударил смешанный запах пота, ладана, каких-то трав и мочи.

– Воспитание – это когда я говорю, а ты слушаешь и учишься.

– А кто... – матушка одарила закутанную в лохмотья собеседницу нервным взглядом, – ... точнее, чем вы занимаетесь?

– До последнего времени – воровством.

Матушкина нервозность переросла в неприкрытую тревогу. Заметив это, ее собеседница просияла и радостно добавила:

– Но я еще и опытный наемный убийца! А также штурман, борец, звездочет, разведчик, историк, поэт, шантажист, пивовар... Впрочем, я могла что-нибудь подзабыть. И я уж не говорю о том, что я опытный пророк-любитель!

Тут она подцепила свежий птичий помет со столба, растерла его между пальцами, понюхала и явно собралась попробовать на вкус, потом передумала и обтерла черно-серую какашку о драный плащ.

– Неблагоприятное предзнаменование, – пробормотала она, внимательно следя за полетом чаек. – Добавьте к этому мой несравненный опыт в... – тут она выразительно покрутила бедрами, – альковном искусстве, и вы поймете, голубушка, что нет такой области знания, важной и интересной для современной девушки, в которой бы я не помогла вашей дочери!

В других обстоятельствах Колючка не преминула бы насладиться редким зрелищем – матушка, в кои-то веки не нашедшаяся с ответом! Но, к сожалению, монолог странной дамы и ее вверг в потрясенное молчание, и насладиться у нее, увы, не получилось.

– Колючка Бату! – о, а вот и Ральф через толпу проталкивается. – Ты опоздала! Ну-ка, давай, двигай тощим задом – тебя мешки на причале заждались! Глянь, как твой приятель Бранд их лихо...

Тут он застыл и сглотнул.

– Я и не знал, что у тебя есть сестра!

Колючка скривилась и прошипела в ответ:

– Это мама.

– Не могу поверить!

Ральф принялся судорожно расчесывать бородину пятерней, буро-седая волосня упрямо не поддавалась и оставалась спутанной, как пакля.

– О, сударыня, если вас не смутит комплимент от старого воина, не знающего слов любви, позвольте сказать: красота ваша освещает эти доки, как лампа, сияющая во... ээээ... тьме.

Он быстро оглядел серебряный ключ на матушкиной груди:

– Ваш муж, должно быть...

Матушку Колючки комплимент не смутил вовсе. Ей очень хотелось услышать много-много слов любви.

– Умер, – быстро объяснила она про мужа. – Восемь лет прошло с тех пор, как снесли мы его на кладбище.

– Как жаль! – Сожаления в голосе Ральфа почему-то не чувствовалось. – Я Ральф, кормчий «Южного ветра»! Что до команды, то да, выглядят они сущими грубиянами, но я, знаете

ли, тихоням не верю. Этих людей я отобрал лично и могу вас заверить – каждый из них знает свое дело. А Колючка будет сидеть на скамье прямо у меня под носом, и я клятвенно обещаю относиться к ней как к собственной дочери – с отеческой теплотой и твердостью!

Колючка закатила глаза, но кто на нее смотрел.

– У вас есть дети? – заинтересовалась матушка.

– Двое сыновей, но прошли годы с тех пор, как я видел их в последний раз! Увы, злая судьбина разлучила меня с моими домашними очень и очень давно.

– А давай судьбина тебя и с моими домашними разлучит, а? – прорычала Колючка.

– Тихо ты, – прошипела матушка, не отрывавшая глаз от Ральфа. Точнее, от толстенной золотой цепи, болтавшейся у него на шее. – О, как утешительно знать, что мужчина ваших достоинств приглядывает за моей ненаглядной доченькой. Нрав у нее вспыльчивый, но Хильд – все, что у меня осталось.

Щеки Ральфа давно покраснели от крепкого морского ветра и не менее крепкого эля, но Колючка с изумлением увидела, как залилось краской выдубленное непогодой лицо.

– Что до многих достоинств, то тут многие с вами не согласятся, моя госпожа, а вот что касается дочки, то тут я вам обещаю не подвести и сдержать слово!

Матушка жеманно заулыбалась:

– О, ваше обещание согрело мне сердце!

– Боги... – прошипела Колючка, отворачиваясь.

Она терпеть не могла, когда вокруг нее суетились, но когда ее не замечали, она вовсе не переносила.

Брюньольф Молитвопряд зарезал какое-то несчастное животное и теперь кропил его кровью фигуру голубки на носу «Южного ветра». Он размахивал красными по самые запястья руками и завывал какие-то песнопения во славу Матери Море, и Той, что прокладывает Курс, и Той, что направляет Стрелу, а также дюжине мелких богов, чьи имена Колючка слышала впервые. Молиться она не умела и не любила, к тому же искренне сомневалась, что погоде есть какое-то дело до этих гимнов.

– Как девушка попала на боевой корабль?

Она обернулась и увидела молоденького парня, который незаметно подкрался со спины. Судя по виду, лет четырнадцати, не больше, худенького, с умными глазами. И немного дерганого. Соломенные волосы лежали копной, а на остром подбородке пробивалась первая щетина.

Колючка нахмурилась:

– Ты хочешь сказать, что мне здесь не место?

– Не я людей отбираю, так что дело не мое.

И он пожал плечами, в голосе не слышалось ни страха, ни пренебрежения.

– Я просто спросил, как у тебя получилось, вот и все.

– Оставь ее в покое!

Невысокая стройная женщина подошла и резво наподдала парнишке по уху.

– Я что сказала? Иди, чем-нибудь полезным займись!

На шейном шнурке у нее болтались бронзовые гирьки. Они позванивали, пока она пихала мальчишку в сторону «Южного ветра». Раз гирьки – значит, купчиха. Или лавкой владеет. И не обвешивает покупателей.

– Меня зовут Сафрит, – сказала она, уставив руки в боки. – Парень, который тебя вопросами донимал, – мой сын Колл. Он еще не понял, что чем больше учишься, там больше знаешь, что ничего не знаешь. Он не хотел тебя обидеть.

– Я тоже, – отозвалась Колючка. – Но вокруг меня вечно неприятности случаются, не знаю, почему.

Сафрит широко улыбнулась:

– Бывает. Я буду готовить и присматривать за провизией и грузом. Груз не трогать, хорошо?

– А я думала, наша цель – разжиться друзьями... Выходит, у нас и товар на борту есть?

– Меха, древесная смола, моржовый клык и... кое-что еще.

И Сафрит кинула мрачный взгляд на обитый железом сундук, прикованный к мачте.

– Мы отправляемся в путь ради Отче Мира, но... королева Лайтлин оплатила экспедицию.

– Ага! Уж эта женщина, завидев прибыль, мимо не пройдет!

– С чего бы мне проходить мимо?

Колючка резко развернулась и оказалась лицом к лицу с королевой. Их разделяло не более шага. Некоторые люди смотрятся импозантнее издалика, а вот Лайтлин – нет. Она сияла, подобно Матери Солнцу, и взгляд ее был суров, как у Матери Войны, на груди сверкал огромный ключ от сокровищницы, а за спиной теснились и очень неодобрительно поглядывали ее рабы, охранники и слуги.

– Б-боги мои... В смысле, прощения просим. Моя королева...

И Колючка неловко припала на одно колено, щеки ее вспыхнули, она потеряла равновесие и чуть не вцепилась в шелковые юбки Лайтлин, пытаясь не рухнуть наземь.

– Извините, у меня на колени вставать не очень получается...

– А ты потренируйся.

Королева совершенно не походила на Колючкину матушку, хотя возраста они были одинакового: Лайтлин – твердая, испускающая сияние, подобно огненному бриллианту, в речах прямая, как удар кулаком в челюсть. А матушка – мягкая и осмотрительная.

– Для меня большая честь – плыть на корабле, находящемся под вашим покровительством, – выпалила Колючка. – Клянусь, я верой и правдой послужу вашему сыну... то есть отцу Ярви, – ведь он больше не считался ее сыном. – Я сослужу вашему служителю добрую службу...

– Ты – та самая девица, что поклялась дать хорошую трепку этому парню – ровно перед тем, как он хорошенько отделал тебя? – И Золотая королева насмешливо заломила бровь. – Дурак хвастается тем, что собирается сделать. Герой – делает, что должен, без лишних слов.

Она щелчком пальцев подозвала одного из слуг и что-то тихо проговорила. И пошла прочь, не оглядываясь по сторонам.

Колючка так и осталась бы стоять на коленках, но Сафрит вздернула ее на ноги, подхватив под локоть.

– А ты ей нравишься!

– Как же она разговаривает с теми, кто ей не нравится?

– Молись, чтобы никогда не узнать этого.

И тут Сафрит схватилась за голову, ибо увидела, как сыночек быстро и ловко, как обезьянка, взобрался по мачте, уселся на нее на самой верхотуре и стал проверять крепость узлов на свернутом парусе.

– Черт тебя раздери, Колл, немедленно слезь оттуда!

– А ты сама сказала мне: иди и займись чем-нибудь полезным!

И мальчишечка отпустил рей обеими руками, чтобы экстравагантно пожать плечами и развести ладони в стороны.

– И какая от тебя будет польза, ежели ты сверзишься вниз, дурачина?

– Я безмерно рад видеть тебя.

Колючка снова обернулась. Это был отец Ярви. Странная лысая старуха стояла рядом с ним.

– Я же поклялась, нет? – процедила она в ответ.

– Сослужить мне любую службу, насколько я помню.

Чернокожая старуха тихонько хихикнула:

– Надо же, какая расплывчатая формулировка...

– А то, – усмехнулся Ярви. – Рад видеть, что ты начала знакомиться с ребятами из команды!

Колючка огляделась по сторонам и недовольно скривилась: матушка с Ральфом вели оживленную беседу и не собирались прерывать ее.

– А как же. Успела переговорить с парой благородных мужей.

– Благородство переоценивают. Вы со Скифр уже познакомились?

– Ты Скифр?! – Колючка вытаращилась на чернокожую так, словно впервые увидела ее. – Та самая воровка? Похитительница эльфийских реликвий? Убийца? Это за тобой охотится праматерь Вексен?

Скифр понюхала пальцы, все еще испачканные пометом, и нахмурилась, словно никак не могла взять в толк, как он мог оказаться у нее на руках.

– Воровка? Ничего подобного. Эти реликвии просто валялись в Строкоме. Вот пусть мне эльфы иск и предъявляют. Что до убийцы... знаешь, в чем разница между убийцей и героем? В том, насколько высокородны были ими убитые. Что же до охоты на меня, то благодаря общительному нраву я сделалась весьма популярна! Отец Ярви нанял меня... словом, для нескольких дел, и среди них – хотя я понятия не имею, зачем ему это сдалось... – и тут она прижала длинный палец к груди Колючки, – ... научить тебя драться.

– Я умею драться, – прорычала Колючка, пытаясь расправить плечи.

Ей казалось, что она выглядит очень воинственно. Скифр запрокинула бритую голову и расхохоталась.

– Это как вы в том сарае друг против друга топтались? Нет уж, спасибо, речь не об этом. Отец Ярви платит мне за то, чтобы ты стала смертельно опасной.

Рука Скифр метнулась с ошеломительной скоростью, и Колючка получила затрещину – да такую, что улетела и треснулась спиной о бочку.

– За что? – спросила она, потирая горящую щеку.

– Твой первый урок. Будь всегда наготове. Если я могу ударить тебя, ты заслуживаешь того, чтобы тебя ударили.

– Я так понимаю, что к тебе это тоже относится.

– А как же, – широко улыбнулась Скифр.

Колючка бросилась на нее, но поймала лишь воздух. Она споткнулась, рука вдруг вывернулась за спину, а склизкие доски причала врезались в лицо. Боевой клич превратился в удивленный писк, а потом, когда ей зверски перекрутили мизинец, в долгий стон боли.

– Ты до сих пор считаешь, что мне нечему тебя научить?

– Нет! нет! – заскулила Колючка, беспомощно извиваясь – пронзительная боль скрутила каждый сустав вывернутой руки. – Я очень хочу учиться!

– Что ты выучила на первом уроке?

– Если тебя бьют, значит, заслужил!

Палец отпустили.

– Боль – лучший учитель, скоро сама увидишь.

Колючке удалось встать на колени. Она затрясла рукой, которая еще дергала болью, подняла взгляд – и увидела, что над ней стоит старый знакомец Бранд, с мешком за плечами и широкой улыбкой на лице.

Скифр тоже ослабилась:

– Что, смешно тебе?

– Немножко, – признался Бранд.

Скифр залепила затрещину и ему. Бранд пошатнулся и налетел спиной на столб, уронил мешок себе на ногу и глупо заморгал.

– Ты что, и меня драться учишь?

– Нет. Но ты тоже должен быть всегда готов к бою, понял?

– Колючка?..

Матушка протянула руку, помогая ей подняться.

– Что случилось?

Колючка демонстративно отказалась на нее опереться.

– А ты бы знала, если бы была рядом со мной, а не кормчего охмуряла.

– Боги мои, Хильд, у тебя сердце есть или нет?

– Отец называл меня Колючка, черт подери!

– Ах, отец, конечно, ему-то ты все простишь!

– Может, потому, что он уже умер?

Глаза матушки налились слезами – ну все как всегда.

– Иногда мне кажется, ты была бы счастлива, если бы я последовала за ним...

– Иногда мне кажется, что да, так и есть!

И Колючка взвалила на плечо рундук. Отцовский меч забрякал внутри, и она потопала на корабль.

– А мне нравится ее строптивый нрав, – услышала она за спиной голос Скифр. – Ничего, скоро мы направим эту злость в нужное русло.

Один за другим все взбирались на борт и ставили на место рундуки. К неудовольствию Колючки, Бранду досталось соседнее заднее весло: поскольку корабль сужался к корме, они сидели чуть ли не на коленях друг у друга.

– Не лезь мне под руку! – прорычала она.

Настроение было отвратное, что уж говорить.

Бранд устало покачал головой.

– Может, мне просто в море броситься, а?

– Отличная идея, валяй.

– Б-боги... – пробормотал Ральф со своего кормового мостика. – Я что, весь путь вверх по Священной буду слушать, как вы перекрикиваетесь, как мартовские коты?

– Очень похоже на то, – ответил за них отец Ярви.

Служитель покосился на небо. Над головой плотным ковром лежали тучи, Матерь Солнце угадывалась за ними бледным пятном.

– Плохая погода для того, чтобы проложить курс...

– Погода хреновая... – застонал Доздувой со своей скамьи где-то в середине корабля. – Хреновей не бывает...

Ральф надул щетинистые щеки и с шумом выпустил воздух:

– Эх, была бы щас рядом Сумаэль...

– И не только сейчас, а вообще... – тяжело вздохнул отец Ярви.

– А кто такой Сумаэль? – пробормотал Бранд.

Колючка пожала плечами:

– А мне, черт побери, откуда знать? Никто ж ничего не рассказывает!

Королева Лайтлин смотрела, как они отчаливают, положив ладонь на беременный живот. Потом она коротко кивнула отцу Ярви, развернулась и пошла обратно к городу, а за ней потянулись рабы, слуги и остальная свита. Команду они набрали из людей, нигде в одном месте подолгу не задерживавшихся, так что на причале вслед им махала лишь жалкая кучка провожающих. Среди них стояла и мать Колючки. По щекам ее текли слезы, и она махала им вслед до тех пор, пока причал не превратился в крохотное пятнышко, а башни Цитадели Торлбю в зазубринки на горизонте, и Гетланд скрылся в сером тумане над серой линией Матери Море.

Кстати. Чтоб вы знали, когда гребешь, смотришь назад. Всегда сидишь и смотришь в прошлое. А не в будущее. И всегда смотришь на то, что ты потерял, а не на то, что в дальнейшем приобретешь.

Колючка, конечно, делала хорошую мину при плохой игре – ну как всегда. Но хорошая мина – она плохо держится на лице, знаете ли. Ральф щурился на горизонт. Бранд равномерно поднимал и опускал весло. И если кто-нибудь из них и заметил, как она тайком утирает слезы, то ничего не сказал и правильно сделал.

Урок второй

Ройсток оказался вонючим и тесным лабиринтом деревянных лавок, которые громоздились одна на другую на крошечном гнилом островке в устье Священной. Кругом толкались и гомонили завывающие попрошайки, нагловатые наемники, грузчики с мозолистыми руками и медоточивые торговцы. К шатким причалам швартовались десятки иноземных судов, полных иноземцев и иноземных грузов, все они закупали воду и провизию и сбывали товар и рабов.

– Будь я проклят, если щас же не выпью! – рявкнул Одда, когда «Южный ветер» со скрежетом ударил бортом о причал, а Колл спрыгнул на берег, чтобы ошвартовать ее.

– А не составить ли тебе компанию... – протянул Доздувой. – Но уговор – в кости я не играю, хоть режьте. Не везет и все.

Бранд мог бы поклясться: «Южный ветер» значительно потерял в осадке, когда этот малый спрыгнул на берег.

– Ты с нами, парень, или как?

Пойти с ними, конечно, хотелось. Такой путь по морю Осколков они осилили – умаялись до смерти, чуть не перегрызлись насмерть и не потопли. По правде говоря, надежды Бранда на удивительное плавание к дальним берегам остались просто надеждами, команда оказалась не дружной семьей, а натуральным гадючьим гнездом, где все с увлечением переплывались ядом. Можно подумать, плавание – это такое состязание, в котором выигрывает только один...

Потому Бранд облизнулся, припомнив, как сладок был эль у Фридлиф. Затем увидел, как неодобрительно свел брови Ральф – и припомнил, как горек был эль, когда Бранд блевал им в канаве. И решил, что нет, лучше он будет пребывать в свете.

– Не, что-то неохота.

Одда аж сплюнул:

– Да что с тобой станет, с одной-то кружки!

– С одной – ничего, – мрачно заметил Ральф.

– Я как начну пить, так остановиться не могу, – покачал головой Бранд.

– К тому же у меня найдется для них занятие получше.

Скифф скользнула между Брандом и Колючкой и жестко прихватила обоих за шею:

– К оружию, мои лапульки. Вернемся к нашим урокам.

Бранд застонал. Драться? Сейчас? Нет уж! Особенно не хотелось становиться против Колючки: стоило ему поднять весло, как она пихала его под локоть, да еще насмехалась беспрерывно – видно, очень уж ей не терпелось отыграться. Да уж, команда – гадючье гнездо, а Колючка – самая ядовитая из этих ползучих гадин...

– Чтоб все вернулись к полудню! – проорал Ярви вслед разбредающей по проулкам Ройстока команде.

Потом тихо сказал Ральфу:

– Если на ночь здесь встанем, обратно наших славных воинов не соберем... Сафрит, проследи, чтоб они там никого не убили. И друг друга не перерезали.

Сафрит как раз пристегивала к поясу кинжал величиной с меч, в красноречиво потрепанных ножнах.

– Человек, склонный к саморазрушению, всегда найдет способ убить или убиться.

– Вот и проследи, чтоб они ни об кого не убились.

– Есть какие-нибудь идеи, как это осуществить на практике?

– Ну ты ж у нас острая на язык как не знаю кто! Дерево уболтаешь, чтоб оно забегало!

Колл, вязавший узел, захихикал.

– А ежели острое словцо не поможет, пырнешь их чем поострее. А то я не знаю, как ты с кинжалом управляешься...

– Ну ладно, хотя ничего обещать не могу.

И Сафрит кивнула Бранду:

– Не давай моему сыночку лезть на мачту, ладно? А то он вокруг Смерти, как вокруг девки, увивается...

Бранд покосился на Колла, тот расплылся в хитрой ухмылке.

– Есть какие-нибудь идеи, как это осуществить на практике?

– Если бы! – фыркнула Сафрит, вздохнула и пошла в город.

А Ральф приказал несчастным, которым выпал жребий остаться на борту, скрести палубу.

Бранд выбрался на причал. После долгого плавания было непривычно и странно ступать по твердым доскам. Довольно постанывая, он потянулся – мышцы затекли от долгого сидения на скамье. Заодно получилось размять и ставшую коробом одежду – с нее обильно посыпалась соль.

Скифр же стояла, уперев руки в боки, и мрачно оглядывала Колючку:

– Ну что, грудь будем перевязывать?

– Чего?

– Если груди болтаются, как два мешка, это мешает в бою. Ну-ка...

Рука Скифр по-змеиному метнулась к груди Колючки, и та ахнуть не успела, как наставница чувствительно прихватила грудь:

– А, тогда ладно. У тебя болтаться нечему.

Колючка смерила ее злобным взглядом:

– Ну спасибо.

– Не благодари, мне платят за то, что я с тобой занимаюсь.

И старуха запрыгнула обратно на борт «Южного ветра». Бранд и Колючка остались на причале, друг против друга, деревянные мечи наготове. Бранд стоял спиной к городу, Колючка – к морю.

– Ну? Чего стоим, чего ждем? Чтоб орла с приглашением прислали? Деритесь!

– Где? Здесь?

И Колючка мрачно оглядела узкий, шириной в несколько шагов, причал между ними. Внизу поплескивала холодной водой о столбы Матерь Море.

– А где ж еще? Деритесь, говорю!

Зарывав, Колючка бросилась на противника. На причале не развернешься, поэтому вышло только пырнуть. А он, естественно, с легкостью взял удар на щит и пошел на нее, тесня шажок за шажком.

– Чего ты щекочешься? – гаркнула Скифр. – Бей его, бей!

Колючка лихорадочно искала брешь в защите, но Бранд держался настороже – и продвигался, продвигался вперед. Выталкивая ее к краю причала. Она кинулась на него с обычной свирепостью, щиты столкнулись, заскрежетали, но он был наготове: устоял и принялся таранить, налегая всем телом. Она рычала и плевалась, сапоги скребли по поросшим мхом доскам, Колючка колотила мечом, но разве так отобьешься...

В общем, дальше случилось неизбежное: с горестным криком она сверзилась с края причала и плюхнулась в гостеприимные объятия Матери Море. Бранд досадливо сморщился: купание не сделает ее добрее, а им еще год грести в паре...

До Калейва еще плыть и плыть, а после таких упражнений дорога казалась и вовсе нескончаемой...

Команда похохатывала, глядя на поединщиков. Колл, несмотря на материнский запрет, снова забрался на мачту и теперь восторженно улюлюкал со своей верхотуры. Скифр потеряла виски большим и указательным пальцами:

– Плохо дело.

Колючка выбросила на доски щит и выбралась по облепленной ракушками лестнице сама. С нее капало, бледное лицо перекошилось от злости.

– Ты, похоже, расстроена, – заметила Скифр. – Считаешь, что с тобой поступили нечестно?

Колючка процедила сквозь зубы:

– Нечестно! Здесь слишком узко!

– Какая молодая, и какая умная!

И Скифр снова протянула Колючке деревянный меч:

– Попробуем еще раз?

Во второй заход ее спихнули в море еще быстрее. В третий она рухнула спиной на весла «Южного ветра» и долго среди них барахталась. В четвертый она треснула по щиту Бранда так сильно, что у меча отвалился кончик. После чего Бранд опять сбросил ее с причала.

А на пристани уже собралась веселая толпа зевак: кто-то из команды «Южного ветра», кто-то с других кораблей, несколько горожан, подтянувшихся, чтобы посмотреть, как купают в море упрямую девку. Словом, народ веселился и даже делал ставки на исход очередного поединка.

– Хватит! – взмолился Бранд. – Пожалуйста.

Для себя он видел только два выхода: скинуть ее в море снова и разозлить еще сильнее – или сигануть в море самому. Ни то, ни другое Бранду не улыбалось.

– Пожалуйста, говоришь? – взревела Колючка. – Да пошел ты знаешь куда?!

И снова встала в боевую стойку. Без сомнения, эта сумасшедшая продолжила бы драться и шлепаться в море до глубокой ночи, но Скифр не дала ей такой возможности: старуха надавила кончиком пальца на обломанный кончик меча Колючки и опустила его вниз.

– Думаю, ты достаточно повеселила добрых горожан. Ты сильная и крепкая девушка, спору нет.

Колючка гордо выпятила челюсть:

– Да уж посильней многих мужчин.

– Посильнее большинства парней на тренировочной площадке, это точно. Но...

Тут Скифр лениво ткнула в сторону Бранда:

– Какой урок ты извлекла из всего этого?

Колючка сплюнула на доски причала, умудрилась заплевать подбородок, гордо утерлась – и мрачно промолчала.

– Тебе что, так нравится вкус соли, что ты хочешь снова встать против него?

Скифр шагнула к Бранду и приобняла его за плечи:

– Посмотри на его шею. На его плечи. Какой урок ты извлекла из поединка?

– Что он сильнее.

Через борт «Южного ветра» перевесился Фрор, с тряпкой и брусом, которыми драил палубу, в руках. Надо же, раньше Бранд вообще не слышал, чтобы он разговаривал...

– Именно! – воскликнула Скифр. – И вот что я скажу: этот молчаливый ванстерец – опытный боец! Как ты получил этот шрам, голубчик?

– Это все северный олень, в смысле, олениха. Я ее доил, а она возьми да и ляг на меня сверху. Потом-то, конечно, она обо всем пожалела, а вот шрам остался...

Бранду показалось, что ванстерец подмигнул покалеченным глазом.

– Тоже мне подвиг, – проворчала Колючка, скривив губы.

Фрор лишь пожал плечами:

– Кому-то ж нужно оленей доить.

– Кому-то нужен мой плащ подержать.

И Скифр сорвала с себя лоскутный плащ и бросила его ванстерцу.

Оказалась, что она худая и гибкая, как хлыст, узкая в талии, как оса, и вся перетянута лентами, поясами и ремнями, и повсюду у нее торчат ножи и крючки, болтаются мешочки, отмычки, косточки, палочки, бумажки и штуки, назначения которым Бранд и вовсе не знал.

– Ну что, никогда бабу без плаща не видали? – гаркнула Скифр.

И выхватила из-за плеча топор.

Хороший такой топорик, с топорищем из темного дерева и тонким лезвием с «бородой». Замечательное оружие. По блестящей стали змеились какие-то странные письмена. Она подняла другую руку, подогнув большой палец и сжав остальные.

– Вот мой меч. Песни бы складывать об этом клинке, правда? Так вот, малыш, давай, попробуй столкнуть меня в море.

И Скифр... пришла в движение. Такого Бранд еще не видел: она шаталась, как пьяная, руки у нее болтались, как у куклы, а топор летал вверх-вниз, врезаясь в доски, разбрасывая щепки. Бранд наблюдал за ней поверх щита, пытаясь предугадать следующее движение, но куда там... Но он дождался, когда она широко размахнется топориком, и сделал осторожный выпад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.